

РОБЕРТ
БРЫНДЗА

ХОЛОДНАЯ КРОВЬ

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ОНА ПОЛЮБИЛА УБИЙЦУ.

ТЕПЕРЬ ЕЕ РУКИ

ТОЖЕ В КРОВИ...

18+

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ДЕВУШКА ВО ЛЬДУ»

Роберт Брындза
Холодная кровь
Серия «Детектив
Эрика Фостер», книга 5
Серия «Новый мировой триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11654960
Холодная кровь : [роман] / Роберт Брындза : АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-109149-1

Аннотация

На берегу Темзы находят потрепанный чемодан, в котором лежит расчлененный труп мужчины. Жуткое убийство приводит детектива Эрику Фостер в шок. Она расследовала множество кровавых преступлений, но с подобной жестокостью столкнулась в первый раз.

Эрика и ее команда берутся за дело и вскоре узнают, что двумя неделями ранее был обнаружен такой же чемодан с трупом молодой женщины. Они догадываются, что идут по следу серийного убийцы, и он уже нанес следующий удар.

Когда расследование начинает понемногу раскрываться, Эрика становится жертвой вооруженного нападения. Но ни сломанная рука, ни предательство человека, которому она всегда

доверяла, не могут ее остановить. Только она не подозревает, что убийца действует не в одиночку...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	79
Глава 12	88
Глава 13	95
Глава 14	107
Глава 15	117
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Роберт Брындза

Холодная кровь

Посвящается маме и папе – со всей моей любовью

*«Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»
У. Шекспир. «Буря»¹*

¹ У. Шекспир. «Буря». Акт 1. Сцена 2. В переводе Мих. Донского. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Глава 1

Понедельник, 2 октября 2017 года

Лил дождь. Ладонью заслоняя глаза от хлещущих струй, старший инспектор Эрика Фостер торопливо шла рядом с инспектором Мосс по мощеной набережной, что тянулась вдоль южного берега Темзы. Было время отлива, и река сузилась до бурой ленты. Отступившая вода обнажила кирпичную кладку стенок набережной и часть илистого русла, усеянного мусором. В кармане длинной черной куртки Эрики затрещала рация, и сотрудница полиции, охранявшая место преступления, спросила, где они находятся. Эрика достала рацию и ответила:

– Старший инспектор Фостер. Через пару минут будем на месте.

Еще не окончился утренний час пик, а уже темнело: опускался мглистый туман. Они ускорили шаг, минуя представительство IBM и светлое приземистое здание ITV Studios. Здесь набережная резко поворачивала вправо, расширяясь в обсаженный деревьями бульвар, который вел к Национальному театру и мосту Хангерфорд.

– Это там, внизу, босс. – Тяжело отдуваясь, Мосс замедлила шаг.

Футах в десяти ниже, у того места, где набережная поворачивала вправо, на покрытом светлым песком пяточке на-

сыпного пляжа, обнажившегося во время прилива, толпилась небольшая кучка людей. Эрика потеряла зашитый бок. В ней было больше шести футов², и она возвышалась над Мосс; ее мокрые от дождя короткие белокурые волосы липли к голове.

– Курить надо меньше, – заметила Мосс, глядя на Эрику снизу вверх. Она откинула с глаз мокрые рыжие пряди. Ее пухлые щеки покраснели от бега, само лицо было усыпано веснушками.

– А тебе – меньше увлекаться батончиками «Марс», – парировала Эрика.

– Я и не увлекаюсь. Один на завтрак, один на обед, ну и один на десерт после настоящего ужина.

– Вот и я так же с сигаретами, – улыбнулась Эрика.

Они подошли к каменной лестнице, спускавшейся к Темзе. На ней через определенные интервалы виднелись въевшиеся отметины прилива; последние две ступеньки были скользкими от водорослей. Пляж, четыре метра в ширину, резко обрывался там, где пенилась грязная бурая вода. Эрика с Мосс показали свои удостоверения, и люди расступились, пропуская их туда, где сотрудница службы специальных констеблей³ стояла на страже большого потрепанного

² 6 футов = 182,88 см.

³ Служба специальных констеблей (Special Constabulary) – добровольческое подразделение сил регулярной полиции. Специальный констебль работает в свободное время на безвозмездной основе. Обладает всеми правами сотрудника регулярной полиции, как находясь на дежурстве, так и вне его.

чемодана из коричневой ткани, наполовину утопавшего в песке.

– Я пыталась их отогнать, мэм, но не хотела оставлять находку без присмотра, – объяснила молодая женщина, глядя на Эрику сквозь пелену дождя. Она не отличалась ни ростом, ни крепким сложением, но взгляд у нее был твердый.

– Вы здесь одна? – осведомилась Эрика, посмотрев на чемодан. Из рваной дыры на боку торчали два раздутых белесых пальца.

Констебль кивнула.

– В одном из офисных зданий сработала сигнализация, и мой напарник, с которым я дежурила, пошел туда разбираться, – ответила она.

– Это не дело! – возмутилась Мосс. – Спецконстебли всегда должны дежурить по двое. То есть вы во время ночной смены в центральном Лондоне остались одна?

– Так, Мосс... – начала Эрика.

– Да что «так», босс? Не дело это. Они же добровольцы! Почему нельзя выделить средства на увеличение штата кадровых полицейских?

– Я пошла в специальные констебли, чтобы набраться опыта и стать сотрудником регулярной полиции...

– Нужно убрать отсюда посторонних, пока не затоптали все улики, – перебила ее Эрика.

Мосс кивнула и вместе с констеблем принялась оттеснять толпу зевак к лестнице. Эрика заметила у высокой стены на

краю пляжа две небольшие ямы, которые выкопал одетый в цветастое пончо старик с длинными седыми волосами. Не обращая внимания на людей и дождь, он продолжал копать. Эрика взяла рацию и стала вызывать патрульных, которые могли бы находиться поблизости. Рация отвечала ей злоеющим молчанием. Она увидела, что мужчина в цветастом пончо, игнорируя распоряжения Мосс, продолжает копаться в песке. Эрика отошла от чемодана и, приблизившись к мужчине, потребовала:

– Пройдите со всеми к лестнице.

Он взглянул на нее и снова занялся своим делом, теперь разравнивая кучу песка, которую поливал дождь.

– Прощу прощения, я к вам обращаюсь.

– А кто вы такая? – надменно спросил мужчина, смерив ее взглядом.

– Старший инспектор Эрика Фостер. – Она быстро показала удостоверение. – Это – место преступления. Вы должны покинуть его. Немедленно.

Мужчина перестал возиться в песке и с оскорбленным видом воззрился на Эрику. Выглядело это довольно забавно.

– Вам дозволено вести себя столь грубо?

– Да, если посторонние создают препятствия на месте преступления.

– Но это мой единственный источник дохода. Я имею полное право выставять здесь свои песчаные скульптуры. У меня есть разрешение, выданное советом Вестминстера.

Мужчина порылся в пончо и извлек на свет ламинированную карточку со своей фотографией, на которой тут же осели капли дождя.

– Констебль Уорфорд и констебль Чарльз... – раздался голос из рации Эрики. Она увидела двух молодых патрульных, спешивших к толпе, что топталась у лестницы.

– Скоординируйтесь с инспектором Мосс. Необходимо перекрыть набережную, на пятьдесят футов⁴ с каждой стороны, – отдала она распоряжение по рации и снова сунула ее в карман. Мужчина в пончо все еще протягивал ей свое разрешение. – Уберите.

– Вы не очень-то любезны, – заметил он, с прищуром глядя на Эрику.

– Не очень. И покажусь вам еще менее любезной, если мне придется вас арестовать. Лучше покиньте место преступления, поднимитесь наверх.

Мужчина неторопливо встал с песка.

– Значит, у вас так принято разговаривать со свидетелями?

– Что вы видели?

– Я откопал этот чемодан.

– Он был закопан в песок?

– Частично. Вчера его там не было. Я каждый день здесь рою. Прилив перемещает песок.

– Зачем вы здесь каждый день роете?

⁴ 50 футов = около 15 метров.

– Я художник, создаю скульптуры из песка, – напыщенно заявил мужчина. – Это мое обычное место. Я делаю русалку: она восседает на камне, а рядом выпрыгивают из воды рыбки. Эта скульптура очень популярна у...

– Вы трогали чемодан, перемещали что-нибудь? – осведомилась Эрика.

– Нет, конечно. Я остановился сразу, как увидел... Когда заметил, что чемодан разодран и из него... торчат пальцы...

Эрика видела, что он напуган.

– Хорошо. Поднимайтесь на набережную, нам надо будет взять у вас показания.

Патрульные и сотрудница службы специальных констеблей уже перегородили часть набережной. Старик заковылял к лестнице, а к Эрике вернулась Мосс. Теперь на пляже, кроме них, никого не осталось.

Обе надели латексные перчатки и подошли к чемодану. Пальцы, торчавшие из дыры в коричневой ткани, были раздутыми, с почерневшими ногтями. Мосс аккуратно счистила песок со швов и обнажила ржавую застежку-молнию. Эрика несколько раз несильно потянула за язычок, молния поддавалась, крышка осела и перекосилась. Вдвоем с Мосс они медленно подняли ее. Из чемодана, в который было запихнуто тело голого мужчины, выплеснулась вода. Мосс отпрянула, ладонью зажав нос. На них дохнуло смрадом гниющего мяса и затхлой воды. Эрика на мгновение зажмурилась, потом открыла глаза. Белые мускулистые конечности. Плоть цвета

сырого нутряного сала уже начала облезать, кости были местами оголены. Эрика осторожно приподняла туловище, под которым лежала голова с тонкими черными волосами.

– Боже, его обезглавили. – Мосс показала на шею.

– И отрубили ноги, чтобы уместить в чемодан, – добавила Эрика. Раздутое лицо было разбито до неузнаваемости. Из рта с большими фиолетовыми губами вываливался распухший черный язык. Эрика бережно опустила туловище на голову и закрыла чемодан. – Нужно вызывать криминалистов. Срочно. Не знаю, сколько осталось времени до начала прилива.

Глава 2

Час спустя на месте преступления уже работали эксперты-криминалисты. Дождь не затихал, туман сгустился, поглотив верхушки зданий вокруг. Несмотря на ненастье, по обе стороны от полицейского оцепления собрались толпы любопытных, глазевших на огромную белую палатку, которую установили над чемоданом с трупом. Она зловеще сверкала на фоне бурлящей темной воды.

Погода стояла холодная, но в палатке было жарко: от ярких ламп на небольшом замкнутом пространстве температура резко повысилась. Эрика и Мосс, переодевшись в синие комбинезоны, наблюдали за работой судмедэксперта Айзека Стронга, двух его ассистентов и фотографа, сидевших на корточках вокруг чемодана. Айзек был высокий стройный мужчина с бархатистыми карими глазами и тонкими ухоженными бровями, которые сейчас и позволяли определить, что это именно он прячется под капюшоном и маской, закрывающей лицо.

– Что скажешь? – спросила Эрика.

– Тело пролежало в воде довольно долго. Вон, видите желто-зеленые пятна на коже. – Айзек показал на цветовые изменения в области груди и живота трупа. – Холодная вода замедляет процесс разложения...

– Это вы называете «замедляет»? – фыркнула Мосс, ладо-

нюю плотнее прижимая маску к лицу. Вонь в палатке валила с ног. Они молча смотрели на изуродованное голое тело, которое было аккуратно уложено в чемодане: ноги – по бокам от туловища; коленный сустав одной упирается в верхний правый угол, второй – в нижний левый; руки скрещены на груди; отрезанная голова покоится под туловищем.

Помощница Айзека расстегнула маленький кармашек на внутренней стороне крышки чемодана и вытащила из него прозрачный пластиковый пакетик с золотым обручальным кольцом, часами и массивной золотой цепочкой. Она подняла пакетик к свету. Над маской виднелись ее широко раскрытые глаза.

– Допустим, это вещи жертвы. Но вот где его одежда? – задалась вопросом Эрика. – Судя по всему, тело аккуратно упаковали, а не просто запихнули в чемодан. Может, есть документ, удостоверяющий личность? – с надеждой добавила она.

Фотограф наклонился к чемодану и сделал два снимка. Ослепленные вспышкой, Эрика и Мосс поморщились. Ассистентка Айзека рукой в перчатке обыскала кармашек и покачала головой.

– Способ расчленения тела, аккуратность, пакет с драгоценностями – все это указывает на то, что преступление было заранее спланировано, – подчеркнул Айзек.

– Зачем класть вместе с трупом драгоценности? Почему их просто не забрали? Такое впечатление, что убийца решил

поглумиться, – рассудила Мосс.

– Меня это наводит на мысль, что данное убийство – результат бандитских разборок или как-то связано с наркотиками, – предположил Айзек. – Но это вам выяснять.

Эрика кивнула. Другой ассистент судмедэксперта приподнял туловище, и фотограф сделал снимок отсеченной головы жертвы.

– Я закончил, – доложил он.

– Тело на вынос, – распорядился Айзек. – Начинается прилив.

Эрика опустила глаза и увидела, что один из следов на песке заполняется бурлящей водой. У палатки появился молодой парень в комбинезоне. Он принес носилки и новый черный мешок для трупа.

Эрика с Мосс отступили в сторону, наблюдая, как помощники Айзека расстегнули и раскрыли мешок, затем аккуратно взяли чемодан, собираясь положить его на носилки. Сделали четыре шага и чуть не завалились назад: чемодан не пускал.

– Стойте, стоп, стоп, стоп! – крикнула Эрика, возвращаясь в палатку. Осветив фонарем дно чемодана, с которого капала вода, они увидели, что он запутался в длинной светлой веревке. Под тяжестью тела матерчатое дно деформировалось и стало рваться.

– Ножницы, живо! – рявкнул Айзек. Ему быстро подали ножницы, взятые из стерильной упаковки. Он наклонился

и аккуратно срезал веревку, устранив препятствие, которое держало чемодан. Когда его стали класть на носилки, он развалился. Айзек отдал ножницы и веревку, которые разложили по пакетам и промаркировали. Потом черный мешок застегнули, и чемодан исчез из виду.

– Как только закончу вскрытие, сообщу, – пообещал Айзек. И покинул место происшествия с двумя помощниками. Те толкали перед собой носилки, которые вихляли на песке, колесами оставляя в нем глубокие борозды.

Эрика и Мосс, отдав свои комбинезоны, поднялись на набережную и увидели руководителя группы криминалистов Нилза Акермана, который только что прибыл к месту преступления с командой из пяти человек. Им предстояло найти на берегу вещественные доказательства. Глянув на реку, напозавшую на пляж, Эрика засомневалась, что им это удастся.

Нилз, высокий худой мужчина с пронзительными голубыми глазами, которые сегодня были немного воспалены, выглядел измученным и недовольным.

– Для уток погодка в самый раз, – заметил он и, кивнув им, прошел мимо. Говорил он на безупречном английском с едва уловимым шведским акцентом. Эрике и Мосс вручили зонты. Они смотрели, как Нилз и его коллеги идут по сужающемуся пляжу. Вода в реке, плескавшаяся уже у самой палатки, быстро прибывала еще и из-за дождя.

– Никогда не понимала его чувство юмора, – буркнула

Мосс. – Ты где-нибудь видишь уток?

– Наверно, он имел в виду, что уткам нравится такая погода. И кто говорит, что он шутил?

– Так он вроде произнес это в шутку. У шведов, я слышала, очень своеобразное чувство юмора.

– Ладно, давай-ка подумаем, – сказала Эрика. – Возможно, чемодан сбросили где-то выше по реке, и когда его понесло течением, он зацепился за веревку.

– Его могли скинуть где угодно, – рассудила Мосс. – Таких мест вдоль реки полно. Берег длинный, тянется на многие мили.

Эрика посмотрела на здания и обратила взгляд на Темзу. Мимо пыхтела, изрыгая черный дым, баржа; навстречу ей плыли, носами разрезая воду, два длинных низких речных трамвая.

– В этом месте избавляться от тела было бы глупо, – сделала вывод Эрика. – Оно просматривается из офисов, открытых двадцать четыре часа в сутки. К тому же сюда его нужно еще донести, а идти пришлось бы мимо баров, офисов, камер видеонаблюдения, свидетелей.

– Глупо, да не очень, – возразила Мосс. – Для рискованного человека вполне себе подходящее местечко. Много отходных путей – переулков, в которых можно запросто затеряться.

– Да, начало не обнадеживающее.

– Босс, мы не должны недооценивать убийцу. Или пра-

вильнее сказать «перенедооценивать»?

Эрика повела глазами.

– Ладно, давай перехватим по сэндвичу и назад в отделение.

Глава 3

В отделение полиции Луишем-роу Эрика и Мосс прибыли ближе к вечеру. Дождь весь день лил не переставая, и обе вымокли насквозь. Строительство, что только-только развернулось вокруг полицейского участка, когда Эрика первый раз получила назначение в южный район Лондона, уже почти завершилось, и восьмиэтажное здание их отделения теперь затмевали несколько высотных элитных жилых многоквартирных домов.

В обшарпанной дежурной части за столом сидел сержант Вулф – крупный мордастый мужчина с голубыми глазами, в тщательно отутюженной белой сорочке, на которую свисал тройной подбородок. Перед ним стояла худая девица с лошадиным лицом. На руках она держала упитанного карапуза. Тот сжимал в руке большущий пакет с карамелью и, жуя конфеты, равнодушно наблюдал за перепалкой матери и Вулфа.

– Долго нам еще ждать? – возмущалась женщина. – У меня дел по горло.

– Это зависит от вашего дружка и трехсот граммов кокаина, что мы обнаружили в его заднице, – охотно отвечал ей Вулф.

– Сволочи. Это вы ему подкинули, – заявила женщина, наставив на него палец с длинным ногтем, покрытым розовым лаком.

– По-вашему, это мы ему туда порошок *засунули*?

– Пошел ты, – огрызнулась она.

– Зря ваша матушка в школу вас отправляла. Только деньги зря потратила.

Молодая женщина смешалась:

– Это вы о чем? Я школу окончила сто лет назад.

Дружелюбно улыбнувшись, Вулф показал ей на поблекшие зеленые пластиковые стулья, выстроившиеся в длинный ряд под доской со всевозможными объявлениями.

– Мэм, вы присядьте, пожалуйста. Как только у меня появится новая информация, я вам сообщу.

Женщина окинула оценивающим взглядом Эрику и Мосс, затем неспешно отошла к стульям и уселась под доской, увешанной информационными листками. Эрика вспомнила свой первый день в Лондоне, куда ее перевели из полиции Большого Манчестера. Она сидела на этом же самом месте и донимала Вулфа, спрашивая, долго ли ей еще ждать, хотя обстоятельства у нее были другие.

– Дамы, добрый день. На улице дождь все льет? – уточнил Вулф, обратив внимание, что волосы у обеих мокрые и липнут к головам.

– Неа, брызгает, – улыбнулась Мосс.

– Шефиня на месте? – осведомилась Эрика.

– Да. Суперинтендант у себя в кабинете, там тепло и сухо, – ответил Вулф.

Женщина с ребенком сунула в рот горсть карамелек и за-

чавкала, сверля их сердитым взглядом.

– Осторожно, мэм, не подавитесь. А то я не очень хорошо помню прием Геймлиха⁵, – сказал ей Вулф, пропуская Эрику и Мосс в закрытую часть отделения. Наклонившись к ним, он понизил голос и доложил: – До пенсии уже рукой подать.

– Сколько еще? – спросила Эрика.

– Полгода с небольшим, – ответил он.

Эрика улыбнулась Вулфу, и дверь за ними со щелчком захлопнулась. Они пошли по длинному коридору с низким потолком, мимо кабинетов, в которых разрывались телефоны и трудились сотрудники общественной поддержки полиции⁶. Отделение полиции Луишем-роу, крупнейшее по южную сторону от реки, обеспечивало правопорядок на большой территории Лондона до самых границ графства Кент, и здесь всегда царило оживление. Они торопливо шагали к раздевалке, по пути здороваясь с заступавшими на дежурство патрульными. Подойдя к своим шкафчикам, обе достали полотенца и принялись вытираться.

– Я займусь пропавшими без вести, – произнесла Мосс.

⁵ Прием Геймлиха – применяется для удаления инородных тел из верхних дыхательных путей и особенно эффективен при их полной обструкции (закупорке). Назван именем его изобретателя, американского врача Генри Геймлиха (род. в 1920 г.).

⁶ Сотрудники общественной поддержки полиции (Community Support Officers – PCSO) – гражданские (не приведенные к присяге) сотрудники полиции во всех 43 управлениях полиции в Англии и Уэльсе. Имеют ограниченные полномочия в сравнении с кадровыми сотрудниками полиции. Впервые появились в 2002 г.

Она посушила волосы, вытерла лицо, затем сняла мокрый свитер и расстегнула блузку.

– А я попрошу, чтобы нам дали еще людей, – сказала Эрика, нюхая белую сорочку, которую она вытащила из глубины шкафчика после того, как вытерлась.

Переодевшись в сухое, Эрика стала подниматься по лестнице к кабинету суперинтенданта. Отделение Луишем-роу размещалось в старом обветшалом здании, построенном в 1970-х годах, и, поскольку бюджет полиции постоянно урезали, лифтами здесь лучше было не пользоваться: можно было на полдня застрять в одной из кабинок. Перескакивая сразу через две ступеньки, Эрика добралась до коридора восьмого этажа. Из большого окна открывался вид на южные предместья Лондона, простиравшиеся от Кольцевой дороги, которая проходила через самый центр Луишема и тянулась мимо домов ленточной застройки, до зеленых угодий на границе Кента.

Эрика постучалась и вошла. Суперинтендант Мелани Хадсон сидела за столом, на котором громоздилась, частично скрывая ее, гора документов. Это была миниатюрная стройная женщина с короткими белокурыми волосами, но внешность порой обманчива – Мелани умела быть жесткой, если того требовали обстоятельства. Эрика обвела взглядом кабинет – такой же обшарпанный, как и все остальное в этом здании. Полки до сих пор были пусты. Мелани возглавляла

работу отделения уже несколько месяцев, но пока так и не удосужилась распаковать коробки, что стояли вдоль дальней стены. Ее пальто аккуратно висело на одном из крючков у двери.

– Я только что с места преступления на южном берегу Темзы. Жертва – мужчина. Был сильно избит, обезглавлен, расчленен и затем аккуратно упакован в чемодан.

Мелани закончила писать и подняла голову.

– Европейец?

– Да.

– Значит, это убийство не на почве расовой ненависти?

– Можно быть белым и все равно погибнуть от рук расистов.

Мелани посмотрела на нее.

– Мне это известно, Эрика. Я просто хочу четко понимать ситуацию. После референдума за выход из ЕС начальство держит на особом контроле дела о преступлениях, совершенных на почве расовой ненависти.

– Пока трудно сказать. Это может быть что угодно: гангстерские разборки, расизм, гомофобия. Убийство совершенно с особой жестокостью. Его уложили в чемодан голым, вместе с трупом обнаружены часы, кольцо и цепочка. Мы не знаем, его ли это вещи. Я жду результатов вскрытия и криминалистической экспертизы. Как только появится новая информация, я сразу тебе сообщу, чтобы ты знала, в какую графу поставить галочку.

– Эрика, сколько у тебя сейчас дел?

– Только что закрыла убийство в ходе вооруженного ограбления. Ну и еще парочку других дел скоро скину. Нужно установить личность жертвы, но это будет непросто. Лицо избито до неузнаваемости, да и тело долго было в воде.

Мелани кивнула.

– Чемодан большой?

– Да.

– Теперь большие чемоданы не купишь. Я пыталась достать семейный для отпуска, но такие больше не делают – не имеет смысла из-за установленных норм провоза багажа. Все, что свыше двадцати пяти кило, обходится в целое состояние.

– Хочешь принесу тебе тот чемодан, когда с ним закончат работать криминалисты?

– Очень смешно. Но я ведь не просто так сказала об этом. Не многие компании производят большие чемоданы, в которые можно уместить пляжную одежду на две недели, тем более взрослого мужчину.

– Мне необходимо усиление. Сколько человек ты готова мне выделить? Я бы хотела в свою группу Мосс и констебля Джона Макгорри. Сержант Крейн тоже хорошо работает в команде.

Надув щеки, Мелани рылась в бумагах на своем столе.

– Ладно. Даю тебе Мосс и Макгорри... и одного гражданского сотрудника. А там посмотрим, может этого хватит.

– И на том спасибо, – сказала Эрика. – Но дело это непростое. Сдается мне, что людей потребуется больше.

– Пока это все, что ты получишь. Держи меня в курсе. – Мелани вновь взялась за ручку.

Эрика встала и направилась к выходу.

– Куда едешь в отпуск? – спросила она, останавливаясь в дверях.

– В Екатеринбург.

Эрика вскинула брови.

– В Екатеринбург? В Россию?

Мелани возвела глаза к потолку.

– И не спрашивай. Мужу в отпуске непременно экзотику подавай, да еще такую, куда просто так не доберешься.

– Что ж, в октябре в Екатеринбурге крем от загара тебе не понадобится.

– Закрой дверь с той стороны! – рявкнула Мелани.

Подавив улыбку, Эрика вышла из кабинета начальницы.

Глава 4

Эрика купила в торговом автомате кофе с шоколадным батончиком и по лестнице спустилась на четвертый этаж, где находился ее маленький кабинет – крошечный закуток со столом, заваленным бумагами, с компьютером и стеллажом. По окну с видом на парковку стучал дождь. Закрыв дверь, со стаканом кофе и шоколадкой в руках Эрика уселась за стол. Где-то звонили телефоны, в коридоре заскрипел пол: кто-то прошел мимо ее кабинета. Она скучала по помещениям открытой планировки, в которых работала последние несколько лет в Бромли и Уэст-Энде. Четыре стены, которые, казалось, сдвигались вокруг нее, служили напоминанием о том, что вот уже полгода она не заходила в оперативный отдел и не занималась расследованием сложных дел.

Перед столом на стене висела старая карта Темзы, на которую она до сих пор не обращала внимания. Эрика разорвала обертку шоколадного батончика, откусила половину и, обойдя стол, встала перед картой, которая отличалась от тех, что используют оперативники, и представляла собой нечто вроде произведения графического искусства – черно-белое изображение реки от ее истока до устья. Темза, имеющая протяженность 215 миль⁷, берет свое начало близ Оксфор-

⁷ 215 миль = 346 км.

да, протекает через Лондон и при впадении в море образует эстуарий. Эрика провела пальцем по ленте водного потока до Теддингтонской плотины, преграждающей путь приливам в верховья реки, и далее по извилистой линии, проходящей через Туикенем, Чизик и Хаммерсмит до Баттерси, затем через центр Лондона, и остановилась на точке, где был обнаружен чемодан с трупом.

— Где же выбросили чемодан? — произнесла она с набитым ртом. Эрика стала перебирать в уме места вдоль реки, где можно было бы незаметно сбросить в реку чемодан. Ричмонд? Чизик? Мост Челси? Парк Баттерси? Затем подумала про набережную, где обнаружили чемодан: это место просматривалось со всех сторон, в том числе и многочисленными камерами видеонаблюдения. Запихнув в рот остаток батончика, она отвернулась от карты и обвела взглядом свой крошечный кабинет. На полистирольных плитах потолка виднелись бурые разводы от воды, на узких полках — хлам, оставшийся от прежних обитателей: небольшой мохнатый кактус; зеленый пластмассовый еж с пластмассовыми иголками, меж которыми торчали шариковые ручки; пыльные инструкции по использованию устаревшего программного обеспечения. «Может, зря я отказалась от повышения?» — пропищал в голове гаденький голосок. Все ждали, что она согласится на должность суперинтенданта, но тогда ей вдруг подумалось, что она обрекает себя на бумажную работу: представила, как будет сидеть за столом, ставить галоч-

ки, определять приоритеты, выполнять установки и, что еще хуже, заставлять других подчиняться требованиям. Эрика сознавала, что ей присуще здоровое честолюбие, но вряд ли она была бы удовлетворена расширением полномочий, новой должностью, более высокой зарплатой. Она предпочитала выезжать на места происшествий, лично расследовать запутанные дела и сажать за решетку преступников – именно это заставляло ее каждое утро подниматься с постели.

А еще она отказалась от повышения из чувства вины. Эрика подумала про своего коллегу – инспектора Джеймса Питерсона. Ей он приходился не просто коллегой; он был ее... *бойфрендом*? Нет. Ей уже сорок пять, слишком стара она для бойфрендов. *Партнером*? Партнеры – это в юридических фирмах. Впрочем, теперь это не важно, она сама все испортила. В рамках расследования их последнего громкого дела они проводили операцию по спасению похищенной женщины, в ходе которой Питерсон получил пулю в живот. Как старший по званию это она приняла решение действовать, не дожидаясь подкрепления. Они спасли молодую женщину и арестовали сумасшедшего серийного убийцу, но Питерсон был ранен, чудом выжил, и, естественно, это сказалось на их взаимоотношениях. Он потерял семь месяцев нормальной активной жизни, мучительно восстанавливался после ранения, и до сих пор не было ясно, когда он вернется к работе.

Эрика скомкала обертку от шоколадного батончика и бро-

сила ее в мусорную корзину, что стояла в углу, но промахнулась, и та упала на ковер. Она хотела подобрать обертку и только нагнулась за ней, в кабинет постучали, а затем дверь отворилась и ударила ее по голове.

– Черт! – выругалась Эрика, хватаясь за лоб.

В кабинет заглянул констебль Джон Макгорри. В руках он держал папку.

– Простите, босс. Тесновато здесь, да? – Ему было едва за двадцать. Красивое лицо, гладкая чистая кожа. Темные волосы коротко острижены.

– Не то слово. – Эрика бросила обертку в корзину и выпрямилась, все еще потирая лоб.

– Мосс мне только что сообщила про труп в чемодане и сказала, что меня перевели в вашу бригаду.

Эрика обошла стол и села.

– Да. Поговорите, пожалуйста, с Мосс, она пытается установить личность жертвы. Где ты работал в последнее время?

– На втором этаже, с сержантами Лорной Миллз и Дейвом Буном.

– С Миллз и Буном? – Эрика вскинула брови.

– Да, – улыбнулся Макгорри. – И это никак не способствовало моей личной жизни. Засиживался допоздна, занимался классификацией преступлений на почве расовой ненависти в связи с выходом из Евросоюза.

– Да, звучит не очень сексуально, – усмехнулась Эрика.

– Я рад, что меня к вам направили. Спасибо, босс.

– Мосс занимается установлением личности убитого. Позже по электронке я сообщу, нужно ли тебе подключиться к ней в помощь.

– Я в том числе за тем и пришел. За последние недели я просмотрел кучу дел, и одно засело у меня в голове. Один собачник выгуливал своего питомца на набережной в Челси, как раз во время отлива, и нашел на берегу чемодан. В нем лежал труп женщины европейской внешности, лет тридцати пяти. Обезглавленный, расчлененный.

Эрика откинулась на спинку стула и уставилась на Макгорри:

– Когда это было?

– Чуть больше недели назад, двадцать второго сентября. Я принес это дело. – Он передал ей папку.

– Спасибо. Попозже я с тобой свяжусь, – сказала Эрика.

Она дождалась, когда дверь затворится, и раскрыла папку. Место преступления на фотографиях было такое же серое, какое она видела сегодня утром, но труп находился в куда лучшем состоянии, был лишь немного тронут разложением. Жертва – женщина, пепельная блондинка с длинными грязными волосами. Ноги отрублены до самого таза и уложены по краям чемодана. Руки сложены на груди, так что создавалось впечатление, будто труп от стыда прикрывает обнаженные округлости. Отрезанная голова засунута под туловище. Как и у убитого мужчины в чемодане, что обнаружили сего-

дня утром, ее лицо было разбито до неузнаваемости.

Эрика обратила взгляд на карту Темзы, висевшую на стене. Столько мест, где можно сбросить в реку труп!

Или два трупа.

Глава 5

Август 2016 года

Восемнадцатилетняя Нина Харгривз узнала от своей лучшей подруги Кэт, что на лето можно устроиться на работу в кафе «У Сантино», предлагавшее посетителям традиционное меню – жареную рыбу с картофелем. Они только что окончили школу. Кэт намеревалась осенью приступить к учебе в университете, а Нина с планами на будущее еще не определилась. Симпатичная девушка с крупноватым резко очерченным носом, светлой веснушчатой кожей, длинными каштановыми волосами и чуть выпирающими передними зубами, она не имела ни склонности, ни тяги к учебе, и консультант по профориентации, к которой Нина обратилась, посоветовала ей попробовать себя в качестве конторской служащей или выучиться на парикмахера, но ее не прельщало ни то, ни другое. Ей претила сама мысль, что она целыми днями должна торчать в каком-нибудь офисе – ее мама, Мэнди, служила клерком в местной адвокатской конторе и вечно жаловалась на свою работу, а от идеи стать парикмахером и проводить время в кругу стервозных баб Нину и вовсе тошнило. Ей с лихвой хватило школы.

Нина злилась на весь белый свет, где она не могла найти свое место под солнцем. Ее любимый папочка десять лет на-

зад скончался от сердечного приступа, а с матерью они, хоть и жили вместе, близки не были. Поэтому Нина опешила, когда Мэнди, постучавшись к ней в комнату, сказала, что в следующую субботу она должна пойти с ней на обед в ресторан.

– Хочу познакомить тебя со своим новым другом, Полом, – объяснила мать.

– С другом? – смешалась Нина. Мэнди, неловко переступив с ноги на ногу, опустилась на краешек кровати. Внешне они были похожи, но Нина жалела, что не унаследовала аккуратный носик и безупречные зубы матери.

– Да. Пол – *близкий* друг. Больше чем друг. Он – адвокат в той фирме, где я работаю. – Мэнди взяла дочь за руку.

– То есть это твой бойфренд? – уточнила Нина, отдергивая руку.

– Да.

– Твой босс?

– Он не мой босс. Я работаю с ним в одной фирме.

– Что? То есть он гонял тебя по всему офису, а теперь у тебя с ним любовь?

– Ну зачем ты так, Нина? С Полом мы встречаемся уже несколько месяцев. Просто я не хотела тебя знакомить с ним раньше, пока не станет ясно, получится у нас что-нибудь или нет.

Нина с ужасом смотрела на мать. Она годами подтрунивала над ней, убеждая завести бойфренда, даже советовала сходить на свидание с симпатичным почтальоном, который

любил пофлиртовать, но Мэнди неизменно отмахивалась от ее предложений, говоря, что еще слишком рано.

– И что же у вас получается?

– Ну, надеюсь, скоро он переедет к нам.

– Что?

– Нина. Тебе уже восемнадцать. Ты же не будешь вечно жить дома.

– Почему?

– А ты сама этого хочешь? До окончания жизни сидеть в своей комнате, обклеенной обоями с Ханной Монтаной?

– Разумеется, нет.

– Тогда идем. Я ни в коем случае тебя не выпроваживаю – этого я никогда бы не сделала, – но ты должна сама строить свою жизнь.

Мэнди ушла, а слова матери, казалось, все висели в воздухе. И поэтому, не видя иных перспектив, Нина сходила на собеседование в кафе «У Сантино» и стала там работать.

Это было традиционное британское заведение общественного питания, притулившееся в самом конце оживленной центральной улицы в лондонском районе Крауч-Энд. Барная стойка с потрескавшейся поверхностью из «формайки», на ней – банки с маринованными яйцами; длинный ряд фритюрниц для жарки рыбы в кляре, сосисок и шкварок, которые затем перекладывали в тепловые витрины. В зале стояло несколько столиков, но здесь в основном торговали едой на вынос, и народу всегда толпилось много. Смены длились по

восемь часов, и четыре девушки работали на износ, принимая заказы и упаковывая рыбу под бдительным оком пожилой миссис Сантино – грозной женщины со скрипучим прокуренным голосом. В сравнении с ней мистер Сантино был тихий старичок, который постоянно жарил рыбу, и ему помогали еще два парня.

Макс впервые попался Нине на глаза, когда она отработывала свою третью смену. Она стояла за барной стойкой, принимая заказ, а он, пошатываясь, вышел из кухни с огромным чаном наструганного картофеля.

– Посторонись! – рявкнул он, вываливая во фритюрницу сырой картофель. Ей на руку брызнула капля кипящего масла, она вскрикнула от боли. – Я же сказал: посторонись! – буркнул он и с пустым чаном потопал на кухню.

Миссис Сантино, заметив, что на руке Нины вздувается огромный волдырь, сразу потащила девушку в кухню и сунула ее руку под кран с холодной водой.

– Я же предупреждала, чтоб ты не лезла в жаровню! – орала миссис Сантино. – По-твоему, у меня есть время заполнять бумажки, фиксируя производственные травмы таких дур, как ты?! Держи под холодной водой пятнадцать минут, это у тебя будет вместо перерыва!

Миссис Сантино вернулась в зал, а глаза Нины обожгли слезы. Взревела огромная картофелечистка, в которую Макс вывалил громадный мешок картофеля. Она смотрела, как

Макс ворочает огромными мешками по пятьдесят фунтов⁸ каждый, перекладывая их с тележки на пол возле картофелечистки. Внешне он сильно отличался от остальных работников, худых и прыщавых. Плотный и мускулистый, он был наделен грубой красотой, которую подчеркивал тонкий белый шрам, тянувшийся по скуле от левого уха до ямочки на подбородке. Его глаза необычного оранжево-карего цвета тоже вызывали восхищение. Рукава его рубашки были закатаны до самых плеч, на загорелой коже блестел пот. Заметив, что она наблюдает за ним, он наградил ее сердитым взглядом.

– Я не дура! Ты не дал мне возможности отойти от фритюрницы! – крикнула Нина сквозь рев картофелечистки, но Макс, не обращая на нее внимания, отошел к тележке, чтобы передохнуть.

Кончился июль, а Нина продолжала трудиться в кафе «У Сантино». Свою работу она ненавидела, но ее влекло к Макс-у. Она выяснила, что ему двадцать семь лет и что у него репутация хулигана: однажды он явился на работу с огромным синяком под глазом и разбитой губой. Чем упорнее Макс ее игнорировал, тем упорнее она пыталась вызвать его на разговор. Фирменную футболку с эмблемой «У Сантино» она теперь носила меньшего размера, перестала надевать на работу бюстгальтер и старалась уходить на перерыв одновременно с ним. Но он по-прежнему не замечал ее, на все ее вопросы отделялся односложными ответами, не поднимая

⁸ 50 фунтов = 22,7 кг.

головы от газеты или от экрана телефона.

На исходе августа Нина и вовсе приуныла. За ужином в местном итальянском ресторане мама познакомила ее со своим новым приятелем – Полом. Внешне он был так себе – грузноватый, с проплешиной на голове, да и чувством юмора не блистал, но мать, Нина это видела, была по уши в него влюблена, и она поняла, что скоро Пол переселится к ним.

В первых числах августа – это была среда – Нина по окончании долгой смены в кафе села в машину и поехала домой. Масуэлл-Хилл, где она жила, от Крауч-Энда находился недалеко, дороги были свободные. На перекрестке в конце центральной улицы она остановилась на светофоре. Пока ждала, когда какая-то старушка с хозяйственной сумкой на колесиках – та тащила еле-еле – перейдет дорогу, увидела, как с тротуара на проезжую часть шагнула знакомая фигура. Это был Макс. Он встал перед ее автомобилем, посмотрел на нее через лобовое стекло, затем, оглядевшись, подошел к машине со стороны пассажирского кресла и постучал в окно, чтобы она открыла дверцу. Не раздумывая, Нина нажала кнопку центрального замка и разблокировала двери.

Макс залез в машину, сел рядом с ней. На нем были синие джинсы, белая футболка и коричневая кожаная куртка. Его русые волосы свисали до плеч, под левым глазом виднелся небольшой порез. От него несло пивом и потом.

Светофор на перекрестке вспыхнул янтарным светом и

переключился на зеленый.

– Зеленый. Поехали, – произнес он.

Нина тронула машину с места и в заднее стекло увидела двух полицейских. Те выбежали из переулка и стали оглядывать улицу во всех направлениях. Макс немного сполз в кресле, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Нина посмотрела на него, хотела сказать, чтобы он не дымил в салоне, ведь это автомобиль ее мамы, но у нее отнялся язык. Близость Макса ее необычайно волновала. Он взглянул на нее, затем опустил стекло и положил на нижний край окна локоть. Нина осознала, что не думает, куда едет, и только что пропустила поворот к своему дому. Она посмотрела по сторонам, пытаясь сообразить, что ему сказать. Он взглядом прочесывал дорогу. Она никогда не видела таких невероятных глаз. Они у него были бездонные и блестящие, словно где-то в их глубине пылали угольки.

– Куда едем? – нарушила она наконец молчание.

– Твоя машина. Ты за рулем. Какого черта спрашиваешь, куда мы едем? – Макс выбросил в окно окуроч. Нина заметила, что он осматривает салон – скользнул взглядом по стопке компакт-дисков со старыми записями группы «Уэстлайф»⁹, лежавших под магнитолой, по стикеру «Спокойствие и Акуна Матата» на приборной панели, – и внезапно смутилась, чувствуя себя неотесанной дурой. Макс открыл бардачок,

⁹ Westlife – вокальная поп-группа из Ирландии (1998–2012). В период с 1999 по 2006 г. 14 раз выходила на первое место в британских чартах.

стал в нем рыться.

– Куда полез? – возмутилась она.

Он извлек на свет розовую тряпочку в синий горошек и вскинул брови.

– Твое?

– Нет. Машина мамина. Это ее. – Нина наклонилась к нему, пытаясь выхватить у него находку, но Макс отвел руку с вещцей подальше от нее.

– Она держит в бардачке свои трусики?

– Это тряпка, чтоб стекло вытирать.

– По мне, так это трусики, – хохотнул Макс. – Она забыла их надеть после свидания с твоим папашей?

– Папа умер.

– О черт. Прости, – извинился он, снова убирая тряпку в бардачок.

– Ладно, проехали. А бойфренд у нее есть. Тот еще придурок.

Макс улыбнулся и покачал головой.

– На свете таких полно. Жвачка есть?

– Нет.

Он закрыл бардачок и стал смотреть в окно на бегущую мимо дорогу.

– Это случилось давно, – произнесла Нина.

– Что?

– Папа давно умер. От сердечного приступа.

Макс всматривался в уличные вывески. Нина чувствовала

ла, что он теряет к ней интерес, и злилась на себя. Зачем она упомянула про отца?

– Высади меня здесь. – Макс показал на паб, что стоял на углу улицы. Нина затормозила у обочины, он взялся за ручку на дверце.

– Ты куда? – выпалила она.

– В паб.

– Я никогда не была в «Русалке». – На вид это было сомнительное заведение, с заколоченными окнами на фасаде.

– Девушки вроде тебя туда не ходят. – Он открыл дверцу.

– Откуда ты знаешь, какая я? На работе все пялишься на меня, оцениваешь, бросаешь непристойные взгляды, а потом запрыгиваешь в мою машину и считаешь, что я должна просто тебя подвезти!

– Но это же вроде машина твоей мамы?

– Мамы. Я просто хотела сказать, что не надо строить предположения насчет людей, они почти всегда ошибочны.

В возникшей тишине Нина почувствовала, что у нее горит лицо.

Макс криво усмехнулся, глядя на нее.

– Я на пару минут. Дело у меня там. Подождешь?

– Здесь?

– Да. А где же еще?

В ответ Нина лишь раскрыла рот и снова его закрыла.

– Ты куда-то торопишься? – спросил Макс.

– Нет.

– Тогда ладно. Посиди тут. Я мигом, и потом ты мне все про себя объяснишь. – Он снова одарил ее обольстительной улыбкой, от которой она ощутила слабость в ногах.

Нина дождалась, когда Макс войдет в паб, затем вытащила телефон, набрала номер Кэт и рассказала ей о том, что произошло.

– Думаешь, он убегал от полиции? – спросила Кэт с беспокойством в голосе.

– Не знаю.

– И что у него за дела в «Русалке»? Дурное заведение, полиция там вечно наркотики ищет.

– Пытаешься мне все испортить?

– Нет. Просто волнуюсь за тебя, я ведь твоя подруга. Позвонишь, когда домой доберешься?

Нина увидела, что Макс выходит из паба.

– Да, обещаю. – Она отключилась и убрала телефон.

Макс сел в машину и сунул в карман толстую пачку пятидесятифунтовых купюр.

– Я знаю, что обещал угостить тебя выпивкой, но мне нужно заскочить в «Ягненка с флагом» на Конститушн-Хилл. Не возражаешь? – Он положил руку ей на колено и улыбнулся. Нину словно током ударило.

– Конечно, нет, – ответила она с улыбкой.

Нина довезла Макса до паба «Ягненок и флаг» и полча-

са прождала его в машине. Вернулся он с двумя бутылками «Хайнекена». Она завела мотор.

– Прямо, – сказал он.

Она поехала вперед. Темнело, уличные фонари не горели.

– Держи. – Макс протянул ей бутылку, а сам глотнул из второй.

– Я не пью, когда веду машину, – отказалась Нина чопорным тоном, обеими руками вцепившись в руль.

– Тогда перестань вести машину, – хмыкнул он, приподняв брови. Нина видела, что впереди тупик, фонари не горят, дома по обе стороны от дороги тоже темные. Макс наклонился к ней, погладил ее по волосам. – Тормози. Давай выпьем, – сказал он, улыбаясь.

– Ладно, – улыбнулась она в ответ. От него исходил пьянящий запах – смесь лосьона после бритья и влажного пота. В V-образном вырезе его футболки поблескивала упругая кожа мускулистой груди. Нине казалось, что она сейчас взорвется от возбуждения. Она съехала к обочине и заглушила мотор. Макс дал ей бутылку, она глотнула пива, которое, пенясь, выплеснулось из горлышка. Нина опустила бутылку пол ноги и тыльной стороной ладони отерла губы.

– Черт, вся облилась.

– Ну, не знаю, мне нравится, когда девушка пахнет пивом.

Макс наклонился и притянул ее голову к своему лицу, их губы встретились. Он начал целовать ее – сначала нежно, потом более пылко, языком раздвинув ее губы. Бутылка выпа-

ла из ее руки, но она не заметила. Забылась, одурманенная его страстью и вожделением. Опомнится она не скоро. А когда опомнится, будет уже поздно.

Глава 6

Вторник, 3 октября 2017 года

Рано утром Эрику разбудило сообщение от Айзека Стронга: результаты вскрытия убитого мужчины готовы; тело женщины, обнаруженное в чемодане, доставили в морг в Пендже.

Мосс выступала в суде – давала показания по делу об убийстве с использованием ножа, поэтому Эрика взяла с собой Макгорри. Он обрадовался, что увидит результаты аутопсии, но эйфория его мгновенно улеглась, едва они вошли в морг и его взору предстали блестящие секционные столы из нержавеющей стали, на которых лежали собранные тела расчлененных жертв.

Айзек сначала подошел к мужчине и осторожно повернул его голову:

– Обширные повреждения в затылочной части черепа, нанесенные большим тяжелым куском бетона. От ударов мозг частично вытек из черепной коробки, в мозговой ткани обнаружены крошки цемента. Обе скуловые кости сломаны, равно как и нос, а также в двух местах – челюсть. И опять-таки на коже найдены частички цемента, указывающие на тот же большой тяжелый кусок бетона. – Айзек чуть сдвинулся, переключив внимание на левую руку жертвы. – Как видишь,

от долгого пребывания тела в воде кожа начала отслаиваться от кости. Лучевая кость сломана, локтевая имеет трещины в двух местах. На правой руке почти аналогичные повреждения.

Айзек заметил, что Макгорри в смятении морщит лоб.

– В предплечье человека две кости, – объяснил он и, закатав один рукав, стал показывать на себе. – Локтевая кость длинная, тянется от локтя к мизинцу. Вторая, лучевая кость, идет параллельно. Она крупнее и длиннее.

– То есть он руками пытался заслониться от ударов? – спросила Эрика. Она подняла обе свои руки, скрестив их перед лицом.

– Это ты должна установить, но характер повреждений сообразуется с данным предположением, – ответил Айзек.

Макгорри кашлянул и, сделав глубокий вдох, ладонью накрыл рот.

– Вам плохо? – спросил Айзек.

– Нет, ничего, – выдавил он. Эрика видела, что в ярком освещении его кожа приобрела необычный зелено-серый оттенок.

– Не считая означенных повреждений, – продолжал Айзек, – это был здоровый молодой мужчина. Легкие чистые, он не курил, на печени очень мало жировых отложений, сердце крепкое, телесного жира тоже мало.

Айзек подошел ко второму секционному столу – к телу молодой женщины. Повернул ее голову. Длинные соломен-

ные волосы жертвы были раздвинуты, обнажая раны в затылочной части черепа.

– Повреждения почти идентичны. Удары по затылку и в область темени тупым тяжелым предметом должны были привести к смерти. Лицо сильно разбито: челюсть, нос, скулы – все имеет множественные переломы и трещины. И опять-таки в порах кожи и прилегающих тканей найдены частички цемента, *но* в сравнении с убитым мужчиной есть одно отличие. Ей пронзили грудь длинным тонким лезвием.

– Это могло бы привести к смерти? – осведомилась Эрика.

– Да, но не уверен. Мы проведем сравнительную экспертизу частичек цемента с теми, что были обнаружены на мужчине, посмотрим, имеют ли они отношение к куску бетона, что нашли с ней в чемодане.

– Тот, кто это сделал, был безумно зол на них, – заметил Макгорри. – Обоим размозжил головы, ее зарезал.

– Хотя этот единственный удар колющим предметом был более точным, – указал Айзек.

Эрика кивнула. Мало того что обе жертвы обрекли на мучительную смерть, их еще и лишили личности.

– Убийца не хотел, чтобы их опознали. За две недели личность женщины так и не установили, – с содроганием промолвила Эрика.

Макгорри вдруг рыгнул и зажал ладонью рот.

– Туалет в коридоре, первая дверь налево, – спокойно произнес Айзек. Макгорри кинулся из секционной, обеими ру-

ками зажимая рот. Они услышали, как он хлопнул дверью туалета и затем стал давиться рвотой.

– У женщины левая рука сломана в пяти местах, – продолжал Айзек, – правая ключица – в двух. Также есть признаки того, что до того – или даже после того, – как ее убили, она подверглась сексуальному насилию.

Эрика зажмурилась от яркого света, но все равно сквозь смеженные веки видела очертания двух изуродованных расчлененных тел, лежавших рядом на секционных столах. В голове ее роилось множество вопросов: «Эти двое знали друг друга? Их связывали любовные отношения? Если да, кто из них скончался первым? Были они вместе, когда это произошло?»

Она открыла глаза. Айзек уже отошел к хранилищу в глубине морга.

– В желудке убитого я также обнаружил пятьдесят презервативов с кокаином.

Он вернулся к Эрике с прозрачным полиэтиленовым пакетом и дал его ей. Пакет был забит маленькими свертками размером с крупный земляной орех в скорлупе каждый. Эрика в ошеломлении вытаращилась на Айзека.

– Это было в его желудке? Он все их проглотил? – спросила она.

– Да. Каждый содержит примерно десять граммов кокаина, его насыпали в презерватив, затем оборачивали в слой латекса – в данном случае в палец латексной перчатки. Упа-

ковка герметичная, как и должно быть, чтобы порошок не просочился в желудок.

Эрика снова посмотрела на два трупа. На туловище каждого имелся зашитый Y-образный разрез.

– А у женщины что-нибудь было?

– Нет. В ее желудке ничего, кроме небольшого количества частично переваренной пищи.

– Думаешь, он был наркокурьером?

– Это тебе выяснять.

– Глупость какая-то, – покачала она головой. – Его убили, расчленили, а наркотики в животе оставили. Какой смысл? – Глядя на пакет с маленькими свертками, она быстро произвела в уме подсчеты. – Здесь кокаина на тридцать тысяч фунтов.

– Убийца про наркотики мог и не знать. Но это...

– Да знаю, Айзек, – сердито перебила его Эрика. – Это мне выяснять. Долго тела пробыли в воде?

– Трудно сказать. Мужчина, возможно, пару недель. У него налицо все признаки мацерации кожи – набухание эпидермиса на пальцах, ладонях, подошвах ног; в области груди и живота наблюдаются цветовые изменения кожи. В случае с женщиной дело обстоит иначе. Она пробыла в воде самое большее несколько дней. Пальцы в хорошем состоянии, можно снять отпечатки; и их сняли и прогнали через систему – безрезультатно. В отчете о вскрытии указано, что в чемодане с телом был обнаружен большой осколок бетонной

плиты; его отправили на экспертизу.

– Причина смерти?

– В обоих случаях – удар в затылочную часть головы. В легких была вода, но если жертва обезглавлена, вода заполняет полость тела.

Несколько мгновений они молча смотрели на трупы.

– Ладно, спасибо, – поблагодарила Эрика.

Они вышли в коридор, где ее ждал Джон. Он сидел на одном из пластиковых стульев, держа в руке стакан с водой из кулера. При их появлении он поднялся.

– Доктор Стронг, босс, простите. Вообще-то, я спокойно смотрю на трупы, но если они расчленены... – Макгорри снова зажал рукой рот.

– Иди на воздух. Встретимся на парковке, – распорядилась Эрика.

Склонив набок голову, Айзек взглядом провожал Макгорри, пока тот не дошел до конца коридора и не скрылся за дверью центрального входа. Та с лязгом захлопнулась за ним.

– Он натурал, Айзек. У него есть подружка. Кажется, тон у них задает именно она.

– Но он наверняка симпатичнее, – улыбнулся Айзек, усаживаясь на один из стульев. – Сколько ему?

– Двадцать четыре.

– Ох, где мои двадцать четыре... – Эрика кивнула с улыбкой, соглашаясь с ним. – Как Питерсон?

С переменной темы разговора лицо Эрики омрачилось.

– Поправляется, но очень долго и медленно.

– Поправится. Не всем удастся выкарабкаться, получив пулю в живот. Ему очень повезло, даже с учетом того, что у него после операции дважды возникали тяжелые инфекционные осложнения...

– Я в курсе, Айзек.

– А ты в курсе, что твоей вины в этом нет? Ты не виновата. Он не обязан был следовать за тобой на место преступления.

– Я его начальник... – Она умолкла, запрокинув голову к стене.

– Как он выглядит?

– Все еще очень худой. Мать его выхаживает. Меня она не очень жалует.

– Эрика. Ты же понимаешь, матери по-особому привязаны к сыновьям.

– Ну да. Если еще учесть, что познакомились мы с ней в реанимационной палате, где Джеймс лежал весь в проводах и трубках, подключенный ко всяким-разным аппаратам...

Айзек стиснул ее за плечо.

– Ты хоть спишь?

– Удастся за ночь забыться на несколько часов.

Айзек в озабоченности сдвинул тонкие брови. Потом встал, прошел к кулеру и наполнил водой один стаканчик.

– Может, выписать тебе что-нибудь? – предложил он, подавая ей стакан с водой.

– Исключено. Я не могу расследовать двойное убийство с глазами враскоряку, как у зомби.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ладно. Только не замыкайся в себе. В ближайшее время приходи на ужин. Хорошенько поесть тебе не помешает.

– После того как установлю личности жертв. – Эрика допила воду и бросила стакан в урну. – Я позвоню.

Она пошла из морга. Айзек смотрел ей вслед, переживая за друга. Эрика работала на износ, не жалея себя, и он со страхом думал, что однажды настанет день, когда она не выдержит напряжения и сломается.

Глава 7

Макгорри вернулся в отделение Луишем-роу, а Эрика поехала в Воксхолл – к экспертам-криминалистам. Они размещались в одном из огромных стеклянных административных зданий на берегу Темзы. Она въехала на подземную парковку, затем на лифте поднялась на шестой этаж и позвонила в дверь, что вела в их лаборатории. В маленькое застекленное окошко Эрика увидела, как из двери в конце коридора появился Нилз Акерман. Она работала с ним по трем резонансным делам, каждое из которых увенчалось осуждением преступников, но он по-прежнему оставался для нее загадкой. Нилзу было под пятьдесят, кожа у него была почти прозрачная, а его обычно белые волосы сегодня имели ярко-голубой цвет. То немногое, что она знала о нем, оставляло впечатление двусмысленности: ему одинаково нравились как мужчины, так и женщины (Айзек говорил, что, по слухам, в родной Швеции у него есть ребенок), и Эрика понятия не имела, кто он по политическим убеждениям – правый или левый. Но, разумеется, все это не имело значения, поскольку Нилз рекомендовал себя экспертом-криминалистом высочайшего класса.

– Доброе утро, Эрика, – поприветствовал он ее, открывая дверь. – Как продвигается следствие по делу убитого мужчины, труп которого обнаружили в чемодане? А мы сейчас

занимаемся убитой женщиной, которую тоже нашли в чемодане.

– Да. Я как раз по этому поводу. Подумала, что личное общение всегда предпочтительнее электронной переписки, – объяснила Эрика.

– Конечно. Пройдемте в мой кабинет, – пригласил Нилз.

Эрика последовала за ним по коридору, мимо окон лабораторий, в которых трудились специалисты, и помещений поменьше, где сидели за компьютерами технические работники. Оперативные отделы в полицейских участках – это источники стресса, там стоит шум-гам, царит суета, висит тяжелый запах застоялого пота и фастфуда. Экспертно-криминалистический центр был полной противоположностью. Здесь властвовала атмосфера тишины и кропотливых исследований, и витал приятный аромат мятного дезинфектанта.

Кабинет Нилза отличали чистота и элегантность. Рабочий стол, длинный и широкий книжный шкаф, высокий холодильник. Под окном с видом на реку – два красивых фиолетовых кресла и журнальный столик с мраморной поверхностью. В центре стола – небольшое оранжево-черное папье-маше из крапчатого муранского стекла.

– Кофе хотите? С тортиком? – Нилз подошел к холодильнику, взял оттуда большой сочный морковный торт и с улыбкой повернулся к ней. Белоснежная сахарная глазурь на торте была сформована в виде мерцающих гор. Эрику раздирали противоречивые чувства: ей не терпелось продолжить

расследование, но от душистого аромата глазури у нее засосало под ложечкой.

– Я целый день не ел, – сказал Нилз.

– Я тоже, – улыбнулась Эрика.

– Тогда решено. На голодный желудок трудно работать.

Нилз поставил торт на журнальный столик, отрезал два куска, разложил их на тарелки и убрал торт в холодильник.

– Эспрессо? Макиато? Капучино? *Аль Пачино?* – с каменным лицом добавил он, подходя к кофемашине, что стояла у него на столе.

– Капучино. Спасибо.

Нилз вытащил из выдвижного ящика две фарфоровые чашки и стал возиться с кофе. Эрика тем временем остановилась перед маленьким окном, которое было чуть приоткрыто, впуская в комнату холодный ветерок. Вверх по реке плыло против течения большое судно. Нилз приготовил кофе, и они сели. Эрика смотрела, как он уминает торт, отхватывая от торта солидные куски и один за одним отправляя их в рот. Кожа его на фоне голубых волос имела желтоватый цвет, нос сопливил. Нилз вытащил салфетку и высморкался.

– Простите, аллергия, – объяснил он с набитым ртом. – Даже в это время года.

– Моя сестра тоже мучается, – сказала Эрика. В нескольких словах она обрисовала обстоятельства дела и в заключение сообщила, что в том чемодане, где лежала женщина, обнаружен кусок бетона, которым, возможно, убили од-

ну или обе жертвы. — Я знаю, что вы будете прогонять ДНК жертв через национальную криминалистическую базу данных, — добавила она.

— Да, мы взяли образцы и скоро их обработаем.

— Я приехала, чтобы узнать: можно что-то сделать с куском бетона? Я слышала, в отдельных случаях удастся снять отпечатки пальцев с бетонной поверхности.

— Да, это трудно, но возможно, — подтвердил Нилз, проглатывая последний кусок торта. — Существует метод выявления отпечатков пальцев под названием «окуривание суперклеем». Прикасаясь к какой-либо поверхности, мы оставляем на ней отпечатки. — Нилз показал на свою вилку и затем слизнул с нее глазировку. — Отпечаток пальца состоит из различных компонентов: влаги, воды, аминокислот, жирных кислот и протеинов. На гладкой поверхности зафиксировать следы не составляет труда, а вот снять отпечатки с негладкой или пористой поверхности гораздо труднее, поэтому мы прибегаем к методу окуривания суперклеем, в частности с использованием химического вещества цианоакрилат, которое содержится в большинстве суперклеев. Мы помещаем предмет — в данном случае кусок бетона — а также небольшое количество суперклея в герметичный контейнер, который затем нагреваем. Пары суперклея вступают в реакцию с химическими веществами, содержащимися в отпечатках пальцев. В результате данной реакции образуется белый налет, который можно сфотографировать или скопировать на дактило-

скопическую пленку. А цианоакрилат в составе суперклея вступает в реакцию с кислотами, оставленными пальцем на предмете, вследствие чего на гребнях отпечатка формируется видимое липкое белесое вещество. Полученный след мы затем фотографируем или делаем его более контрастным и изымаем.

– Суд примет это в качестве вещественного доказательства? – спросила Эрика, внезапно почувствовав, как в ней просыпается надежда.

– Сам метод надежный. Проблема в другом: мы имеем дело с предметом, который несколько дней находился в движущейся воде.

– Но ведь современные методы криминалистической экспертизы позволяют получать доказательства на основе минимального количества ДНК и улик?

– Да, – подтвердил Нилз, глотнув кофе. – Мы сделаем все, что от нас зависит. Обещаю.

– Спасибо. Теперь еще такое дело. У убитого мужчины в желудке были обнаружены капсулы с кокаином.

Нилз мгновенно оживился.

– Наркокурьер?

– Похоже на то. Капсул было примерно пятьдесят штук. Скажите, можно получить с них какие-то улики?

– Отпечатки?

– Вряд ли тот, кто упаковывал кокаин, оставил на капсулах отпечатки, но, возможно, на слоях упаковок сохранилась

чья-то ДНК.

– Задача не из простых.

– Поэтому, Нилз, как я объясняла, я и приехала к вам сама. Возможно, это двойное убийство. Мне нужно установить связь между этими двумя преступлениями, найти подозреваемого. Ну и где-то есть наркодилер, который ищет свой товар на тридцать тысяч. Дело сложное и, возможно, повлечет за собой не один арест.

– Ладно. Пожалуй, завтра начну процедуру окуривания суперклеем. – Нилз встал и подошел к компьютеру, стоявшему на его столе. – Что касается капсул с кокаином, сейчас посмотрим, когда сможем ими заняться... Не раньше пятницы, – сказал он, поворачиваясь к Эрике.

– Спасибо. Представляю, какая у вас здесь нагрузка.

– То, что вы представляете, умножьте на три.

– Спасибо за кофе и торт.

– В Швеции кофе с тортом почитают, как религию. Спасибо, что вместе со мной преклонили колени у алтаря! – Нилз улыбнулся, из носа у него опять потекло. Он вытер его салфеткой.

– Если у вас аллергия, окно лучше не открывать, – посоветовала Эрика. Она вышла от криминалистов и спустилась к своей машине, надеясь, что Нилз представит ей доказательства, которые помогут сдвинуть дело с мертвой точки.

Глава 8

В конце рабочего дня Эрика встретила со своей небольшой следственной группой в одном из конференц-залов на цокольном этаже отделения полиции Луишем-роу. Это было тусклое помещение с большим квадратным столом и грязной демонстрационной доской на подставке. Первой явилась Мосс – в элегантном костюме, который она обычно надевала на судебные заседания. Она сняла длинное пальто и бросила его на спинку одного из пластиковых стульев.

– Ну как? – поинтересовалась Эрика.

– Хреново. Он нанял хорошего адвоката, и тот его фактически отмазал. Слава богу, есть на что переключиться. Может, хоть теперь удастся засадить за решетку преступника.

– Возможно, и не одного. *Нескольких.*

В конференц-зал вошел Макгорри с подносом, на котором стояли стаканы с кофе из «Старбакса». Вместе с ним пришла худенькая женщина с седыми волосами до плеч, в огромных очках, в ярко-красном платье-рубашке с завернутыми рукавами. На вид ей было едва за пятьдесят.

– Говорят, в морге ты обеда своего лишился, – пошутила Мосс, обращаясь к Макгорри.

– Ха-ха. Это был мой завтрак, – ответил он, краснея. Макгорри угостил кофе Эрику и Мосс и один стакан поднес женщине, что пришла вместе с ним.

– О, спасибо. Вообще-то, я думала купить в автомате. – Она с улыбкой взяла стакан.

Эрика представила себя, Мосс и Макгорри.

– Марта Чапмэн, – назвалась женщина. Она села рядом с Макгорри и из большой сумки, что висела у нее на плече, достала блокнот и ручку. – Я пока еще новенькая в штате гражданских, что работают здесь, в Луишем-роу.

– Добро пожаловать в нашу команду, – сказала Эрика. Она и Мосс сели напротив. Мосс с улыбкой кивнула Марте. – Итак, в первую очередь мы должны установить личности обеих жертв – мужчины и женщины. – Эрика открыла папку и сдвинула ее на середину стола. – Нилз Акерман скоро проверит их ДНК по национальной базе данных, но результат зависит от того, подвергались ли они аресту.

– У меня список пропавших без вести в Большом Лондоне за минувший месяц, – доложила Марта. – Список очень большой, но я могу сузить круг поиска до группы мужчин и женщин европейской внешности в возрасте от двадцати до сорока лет.

– Я связался с водной полицией, – начал Макгорри. – Тела сбросили в Темзу две – две с половиной недели назад. Попрошу, чтобы они внимательнее изучили таблицу приливов и отливов. Может, им удастся установить точно, где были сброшены чемоданы.

– В речную службу пока направить только предварительные запросы. На данный момент мы располагаем ограничен-

ным бюджетом, так что в первую очередь нужно установить личности жертв. Я уже попросила криминалистов провести ряд экспертиз в ускоренном порядке, что, несомненно, обойдется дорого, а за превышение сметы меня по головке не погладят, — объяснила Эрика.

— Мне вот интересно: почему убийца, расчлняя жертву, не изъял у него наркотики? — задалась вопросом Мосс.

— Совершенно верно. Это наводит меня на мысль, что его кто-то ищет одновременно с нами, — заключила Эрика. — И не будем забывать про стоматологические карты. Черт, забыла напомнить об этом Нилзу.

— Я это проконтролирую, — пообещала Марта.

— Нет, я сама. А вы сосредоточьтесь на изучении списка пропавших без вести.

Марта в смущении заерзала на стуле:

— Позвольте узнать про переработку. Я готова работать сверхурочно, но для гражданских сотрудников полиции оплата сверхурочных не предусмотрена.

— По окончании совещания я намерена решить все эти вопросы с суперинтендантом. Добьюсь, чтобы нам дали добро. — Эрика посмотрела на часы. — Давайте поработаем еще пару часов и завтра в девять снова соберемся. Спасибо.

Все встали, взяли свои вещи. Марта и Макгорри ушли, но Мосс задержалась, дожидаясь, когда Эрика сложит документы.

— Босс, от Питерсона ничего не слышно, а он обещал по-

звонить. Вы с ним...

– Что «мы с ним»? – спросила Эрика, беря под мышку кипу папок.

– Я хотела узнать, как он?

– Не знаю... Не то чтобы... – отвечала Эрика. – Он по-прежнему на лекарствах, плохо спит. Я стараюсь регулярно его навещать.

– Я тоже, – сказала Мосс.

– Когда ты видела его в последний раз?

– Неделью, дней десять назад. Занята была, – виновато объяснила Мосс. – Думала, к этому времени он уже вернется, будет хотя бы несколько часов сидеть в офисе. Ведь после ранения прошло уже полгода.

– Врачи говорят, ему нужно набрать еще восемь фунтов¹⁰, прежде чем он сможет вернуться на службу. Он с трудом восстанавливается после операции на животе, тем более что возникали инфекционные осложнения. Но главное, что он никак не выйдет из депрессии. И то, что он торчит все время дома в четырех стенах... – Эрика прикусила губу и нагнула голову. Опасаясь, что сейчас заплачет, она попыталась отвлечься – принялась листать материалы дела. Воцарилось неловкое молчание.

– Жаль, что не в моих силах ему помочь. Сама я за один присест могу набрать восемь фунтов: села в воскресенье пообедать и готово, – сказала Мосс. – Ладно, я буду у себя. Ес-

¹⁰ 8 фунтов = 3,62874 кг.

ли понадоблюсь, звони или пиши.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. Она дождалась, когда Мосс уйдет, и только потом подняла голову от документов, выключила свет и заперла конференц-зал. И в темноте дала волю слезам.

Глава 9

Август 2016 года

После того первого поцелуя в машине Нина начала регулярно встречаться с Максом, но он не хотел навещать ее дома и к себе тоже никогда не приглашал. Их свидания проходили вечерами или по окончании рабочей смены и всегда в ее машине.

Спустя несколько недель он согласился, чтобы она подъехала за ним к его дому, и тогда Нина поняла, что постепенно завоевывает его сердце. Макс жил в небольшом многоквартирном доме рядом с высотным жилым комплексом в не самом благополучном районе Крауч-Энда. Когда она подкатила к его дому, он уже ждал ее на улице, так что побывать в его квартире ей не довелось.

Время они всегда проводили одинаково. Сначала она подвозила его к пабу или клубу, где он исчезал минут на двадцать, решая какие-то свои дела. Она никогда не спрашивала, чем он там занимается, но подозревала, что чем-то незаконным. После они заскакивали в бар, где продавали спиртное навынос, или в китайский ресторан и ехали в Хампстед-Хит¹¹, где, сидя в машине, любовались закатом.

¹¹ Хампстед-Хит (Hampstead Heath) – лесопарк на северной окраине Лондона, самая высокая точка города.

Потом предавались плотским утехам. Безумно, с самозабвением. Ничего подобного Нина прежде не испытывала. У Макса было потрясающее тело, и он точно знал, что делает. В данный момент ее жизнь была полна неопределенности, и лишь эти вечера в обществе Макса помогали ей не падать духом, придавая некий волнующий смысл ее существованию.

Однажды вечером, в конце августа, они припарковались под сенью невысоких деревьев на краю пустоши, и после того, как утолили страсть, Макс спросил, нет ли у нее желания отправиться куда-нибудь. Его вопрос удивил Нину.

– Отправиться? В отпуск? Вместе? – Обнаженные, они лежали на заднем сиденье машины. Ее голова покоилась на его груди.

– Ну да, а куда еще отправляются? – произнес он.

– Не знаю. В монастырь, например, – ответила она, пальцами водя по его груди.

– Нет, в монастырь отправляют, – рассмеялся Макс. – И уж тебя туда точно не отправят.

– Ну ты и хам! Отправляют в тюрьму. Тебе что-нибудь известно об этом?

Ответом ей было злобное молчание. Он сбросил ее руку со своей груди и сел.

– Макс, я же пошутила!

– Неудачная шутка! – рявкнул он, хватая футболку и натягивая ее через голову.

– Прости. Я не думала, что ты... – начала она.

Он наклонился к ее лицу. Тусклый оранжевый свет уличного фонаря, стоявшего на некотором удалении, почти не добивал до машины, и его глаза, казалось, сияли в темноте.

– За кого ты меня принимаешь? По-твоему, я низкопробная шваль?

Нина съежилась под его взглядом, прикрыв руками обнаженную грудь.

– Нет! Нет! Ты великолепен... ты – лучшее, что подарила мне жизнь. У меня даже в мыслях такого не было! Я же просто пошутила!

Макс продолжал неотрывно смотреть на нее. От его холодных глаз, из которых ушло всякое тепло, у нее по коже побежали мурашки.

– Макс, не сердись, пожалуйста. Это была шутка. Правда.

Он вскинул руку, она вздрогнула. Но Макс просто перегнулся и поднял с пола ее футболку.

– Сядь, – велел он. Она села, не сводя с него глаз. – Подними руки. – Она повиновалась. По салону запрыгали тени, и Нина почувствовала, что атмосфера изменилась. Макс встряхнул футболку, просунул ее голову в горловину. – В пятнадцать лет я угодил в одну неприятную историю. – Она подняла руки, он пропустил их в рукава. Тяжело дыша, разгладил на ней ткань, водя ладонями по ее грудям, тиская их сквозь материю футболки.

– Это ничего, Макс. Ерунда... – Она была напугана, но виду не подавала. Он мял и сдавливал ее груди, а она, не

мигая, смотрела ему в глаза.

– Я работал на Камденском рынке, торговал футболками с лотка, – продолжал Макс тихим ровным голосом. – Один парень попросил, чтобы я помог ему и его приятелям погрузить в фургон какие-то коробки. Была суббота, раннее утро, народу мало, ну я и согласился. Двадцать пять коробок, не тяжелые, наверно, с одеждой. Только мы закончили, тут как тут полиция, всех арестовали – и тех парней, и меня. Оказалось, что этот товар украли с одного склада неподалеку.

– Но тебя отпустили? Ты ведь ничего не знал? – спросила Нина тонким голосом.

– Нет. Меня задержали, посадили в камеру. Прежде пару раз я уже попадал в полицию по глупости – за кражу из магазина, за разбитое окно в молодежном клубе, но тогда оба раза я отделывался предупреждением. Меня допрашивали в присутствии адвоката, и я рассказал все, как было: я ничего не знал, просто помогал. Оказывается, это был уже не первый случай кражи товара с того склада в Камдене, и дело передали в суд. И поскольку на допросе я сказал правду, мне посоветовали признать свою вину, так как в этом случае мне якобы присудят всего несколько часов общественных работ.

– Макс, мне больно, – тихо произнесла Нина, поскольку он все сильнее сжимал ее груди сквозь ткань футболки.

– Прости, – извинился Макс, отнимая от нее руки. Он откинулся на спинку сиденья и устремил взгляд в окно. Нина немного расслабилась, чувствуя, что он отвлекся от нее.

– И что потом? – спросила она.

– Меня осудили на два года с отбыванием срока в Фелтеме – тюрьме для малолетних преступников. Жестокое место: под замком двадцать три часа в сутки, бандитские группировки. Там были и такие, как я. Юнцы, из которых душу всю вытрясали. Один парень в парке умыкнул телефон у ребенка. Год тюрьмы получил. Разве это справедливо? А меня бросили туда гнить всего лишь за то, что я, как мне представлялось, просто помог ребятам... Говорю тебе, люди, что стоят у власти, мнят себя умниками. Им кажется, что они все понимают, что система правосудия работает, что они все держат под контролем. А моя цель – доказать им, что они заблуждаются. Они бросили меня в Фелтем в назидание другим. Но я хочу им показать, что они создали чудовище...

Макс надолго умолк. Нина сидела, почти не дыша. На ней была одна лишь футболка, и она сотрясалась мелкой дрожью от того, что ее голое тело соприкасалось с холодным сиденьем.

– Спасибо, что рассказал, – наконец произнесла она. – Я люблю тебя.

Макс взглянул на нее. В темноте она видела только контуры его лица.

– Любишь?

– Да.

– Наверно, я тоже тебя люблю. – Он обнял ее, и она прильнула к нему, наслаждаясь теплом, исходящим от его гру-

ди.

– Есть только я и ты, Нина. Я и ты.

– Да, я и ты, – повторила она. Вспышка Макса ее напугала, но она понимала, *что* ему пришлось пережить. И по своей наивности полагала, что сумеет ему помочь. Сумеет его изменить.

Глава 10

Вторник, 3 октября 2017 года

Эрика тихо постучалась в квартиру, где жил инспектор Джеймс Питерсон. В подъезде никого не было, и поскольку ей никто не открывал, она вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла, держа в руках два тяжелых пакета с продуктами. Темноту коридора немного рассеивал свет, исходящий от экрана включенного телевизора, по которому передавали вечерний прогноз погоды. Эрика прошла в комнату открытой планировки, часть которой занимала кухня. На карте погоды, что высвечивалась на телеэкране, было показано, что следующие несколько дней сильные дожди не прекратятся. Эрика поставила пакеты на кухонный стол и подошла к дивану. Питерсон крепко спал под старым синим одеялом. На его худом лице прыгали сине-зеленые отблески, отражавшиеся от телевизора. Его высокие скулы заострились, на лбу из-под туго натянутой кожи проступали очертания бугров. Только Эрика протянула к нему руку, собираясь его разбудить, как в кармане засигналил ее мобильный телефон. Питерсон шевельнулся под одеялом, но не проснулся. Эрика быстро вышла в коридор, ответила. Это был Нилз Акерман.

– Простите за поздний звонок, – извинился он.

– Ничего страшного.

– Я с неутешительными новостями. Мы сверили образцы ДНК мужчины и женщины с данными в национальной криминалистической базе. Совпадений не обнаружено.

– Черт, – выругалась Эрика.

– Я сообщу результаты окуривания суперклеем. Надеюсь, мы проведем экспертизу в ближайшие дни.

– А пораньше нельзя?

– Нет, – вздохнул Нилз. – Мне очень жаль, но мы сильно загружены. Я и так гоню как могу. Но вы первая на очереди.

– Хорошо. Спасибо, Нилз. Я вам очень признательна.

Только Эрика поговорила с Акерманом, в коридоре на столике, у которого она стояла, затрезвонил стационарный телефон Питерсона. Опасаясь, что он проснется, Эрика поспешно схватила трубку и ответила.

– Эрика, это ты? – спросил женский голос. Звонила мать Питерсона, Юнис. Она говорила с едва уловимым вестиндским акцентом, придававшим ее тону теплоту. Но это была властная теплота.

– Да, я. Здравствуйте... – Пауза. Эрике казалось, она услышала, как пожилая женщина поджала губы.

– Пожалуйста, передай трубку Джеймсу.

– Он спит. Один. На диване.

– Он поел тушеную говядину, что я для него приготовила?

– Не знаю. Я только что вошла.

– Эрика. Сейчас половина десятого!

– Работы было много.

– Ему нужен отдых. А если ты там, значит, спать он не будет.

– Я заезжала в «Теско», купила ему кое-что из продуктов...

– Что ты купила?

– Картошку. Обезжиренное молоко. «Реди брек»¹². Врачи говорят, злаки и молоко полезны для его желудка. – Эрика слышала волнение в собственном голосе и недоумевала. Она не пасовала перед серийными убийцами и насильниками, а семидесятипятилетней Юнис Престон боялась как огня. Разве это нормально?

– Эрика, ему нужны витамины, в больших количествах, особенно витамин С. Я принесла ему апельсины. Видишь? – Эрика глянула в кухню. На столе в вазе для фруктов высилась гора апельсинов. – И еще, Эрика, – продолжала Юнис, – постарайся приходить пораньше. Джеймс в это время должен спать...

Эрика собралась было указать, что, звоня сыну в этот час, Юнис сама лишает его сна, но Питерсон, обернутый в одеяло, внезапно собственной персоной возник подле нее.

– Кто это? – одними губами спросил он.

– О, Юнис, Джеймс как раз проснулся. Он уже у телефона, – сообщила Эрика, передавая трубку Питерсону.

¹² Ready Brek – готовый завтрак на основе овсянки производства компании Weetabix Limited.

Она принялась разбирать продукты и увидела, что отделение для овощей-фруктов в холодильнике тоже забито апельсинами. Из трубки до нее доносился громкий голос Юнис:

– Скажи своей девице, чтобы не мешала тебе спать... Она вернула тебе ключи?

– Нет, – смущенно ответил он.

– Вот-вот, дать женщине ключи проще простого, куда труднее потом их у нее забрать.

– Эрика заботится обо мне, – сказал Питерсон.

– Восемь часов, Джеймс. Ты должен спать по восемь часов. Теперь считают, что можно спать и меньше, но я всегда сплю по восемь часов и сроду не обращалась к врачам. И ем много витамина С. У тебя кончаются апельсины?

– Нет, мама, – ответил Питерсон, глянув на гору апельсинов в вазе.

– Проследи, чтобы Эрика поела тушеного мяса. Я много приготовила, а она бледная и тощая.

– Да, непременно.

– А теперь быстро в постель. И да благословит тебя Господь.

– Спокойно ночи. Я люблю тебя. – Питерсон положил трубку на рычаг.

– Вот интересно, зачем твоей маме телефон? Она же орет так, что ее на другом конце Лондона слышно.

– Извини, что так вышло.

– Есть хочешь? – спросила Эрика, поднимая крышку с

глиняного горшочка на плите, в котором томилось тушеное мясо, приготовленное в пряном томатном соусе. – Может, немного мяса с апельсиновым соком? Или навести тебе пойло с перекисью водорода? Чтоб лучше спалось.

– Очень смешно. – Питерсон насыпал в чашу зерновой завтрак, добавил молока и поставил кашу разогреваться в микроволновке.

– Почему ты не можешь объяснить маме, что тебе нельзя есть кислотную пищу вродепряного тушеного мяса и апельсинов?

– Не хочу ее обижать.

– Очень по-английски.

Пикнула микроволновка. Эрика бросила Питерсону кухонное полотенце. Он обхватил им чашу и осторожно понес ее к дивану. Эрика разогрела себе тушеного мяса и села рядом с ним. По телевизору началась программа вечерних новостей.

– Так вернуть тебе ключи?

Питерсон мотнул головой и подул на кашу.

– Мосс про тебя спрашивала сегодня... Какие новости от врачей?

– Они пытаются восстановить у меня обмен веществ. Я по-прежнему теряю вес, – ответил он, не отводя глаз от телевизора. Несколько минут они ели молча, потом Эрика начала рассказывать ему про трупы в чемоданах, про кокаин, обнаруженный в желудке убитого мужчины. Питерсон слу-

шал ее, качая головой. Печать задумчивости лежала на его исхудалом лице, озаряемом светом телеэкрана.

– У моего гастроэнтеролога вместе со мной лечится одна девушка, – произнес он. – У нее в желудке лопнула упаковка с кокаином. Она перенесла такую же операцию, что и я, с частичным удалением желудка.

– Занималась контрабандой наркотиков?

– Да.

– Британка?

– Да. Челночила между Англией и Кюрасао.

– Как ее зовут?

– Зада.

– Как она выглядит?

– Нормально, – пожал он плечами. – Симпатичная.

– И что дальше?

Питерсон перевел взгляд с телеэкрана на Эрику.

– По-твоему, я езжу в гастроэнтерологическую клинику цыпочек клеить? – с невозмутимым видом спросил он.

– Нет, – рассмеялась Эрика.

– Знаешь, там на эротику как-то не тянет.

– Так что эта Зада? Долго она занималась контрабандой?

– Не знаю.

– Ей предъявлено обвинение?

Питерсон покачал головой:

– Она успела скинуть товар, если ты понимаешь, о чем я. Но одна капсула разорвалась, вызвав тяжелое отравление ор-

ганизма. Так что формально ее классифицировали как жертву передозировки. – Заметив блеск в глазах Эрики, он добавил: – И ты, очевидно, хочешь с ней побеседовать?

– Ей известно, что ты полицейский?

– Да. Эрика, ты когда-нибудь отвлекаешься от работы?

– Я расспрашиваю тебя про Заду только потому, что это имеет отношение к тому делу, которое я сейчас расследую. Обычно я не говорю о работе, когда навещаю тебя.

– А-а, так ты *навещаешь*?

– Ты меня понял.

Питерсон поднялся с дивана и поставил чашу в раковину. Эрика последовала за ним.

– Ты почти не притронулся к каше. В одном твоя мама права: тебе необходимо есть.

– Не хочу я есть.

– Надо себя заставить, Джеймс, иначе не поправишься!

– Меня все время тошнит, постоянно. Едва удастся сдерживать рвоту. Все, что в рот ни положу, имеет не тот вкус. Меня так и выворачивает наружу. Каша эта на вкус как лук, вареный лук, который уже начал портиться. Не заставляй меня жрать эту тухлятину! – заорал он.

Питерсон вернулся к дивану и лег. Эрика взяла из раковины чашу, вывалила в мусорное ведро ее содержимое. Несколько минут он ворочался под одеялом, потом затих. На цыпочках передвигаясь по квартире, она помыла посуду, прибрала всюду. Проверила, есть ли лекарства в маленькой

таблетнице – его доза на следующий день. Затем сварила и почистила яйца, убрала их в холодильник вместе с упаковкой вареной курицы и батоном хлеба из непросеянной муки.

Освободившись, Эрика снова подошла к дивану. Питерсон уже заснул. Она опустилась на колени подле него. Они познакомились пять лет назад при расследовании одного убийства. Тогда он производил впечатление высоченного энергичного, жизнелюбивого человека. Питерсон был шести футов ростом, но сейчас, лежа под одеялом, казался маленьким и усохшим, ноги как палки. Эрика наклонилась, поцеловала его в лоб, но он не шелохнулся.

– Прошу Тебя, Господи, помоги ему стать таким, как прежде, – пробормотала она. Потом на цыпочках вышла в коридор и покинула квартиру.

Эрика подъехала к многоквартирному дому, в котором жила. Парковка пустовала, воздух был чистый и холодный. Дома она долго стояла под горячим душем, потом, обернувшись в полотенце, прошла в гостиную, налила себе небольшой бокал вина и выдвинула ящик, где поверх стопки счетов за коммунальные услуги лежала фотография в рамке, с которой ей улыбался красивый светловолосый мужчина. На снимке он сидел в мягком кресле у окна, в которое светило солнце, оставляя блики на его волосах. Это был ее муж Марк, погибший шесть лет назад, когда группа полицейских, в которую входил и он, под ее началом проводила операцию

по захвату нарколаборатории на окраине Манчестера. Информация, на основе которой проводилась операция, оказалась недостоверной, и в результате Марк погиб – наряду с еще четырьмя членами ее команды. Опасаясь, как бы ее не захлестнули чувства вины и раскаяния, Эрика надолго приникла к бокалу с вином. Прежде фото Марка стояло на комоде в ее спальне, но, когда Питерсон стал ночевать у нее, она убрала снимок в выдвижной ящик на кухне.

«Вот и Питерсон тоже последовал за мной навстречу опасности».

Эрика задвинула ящик, взяла бокал и прошла к дивану. Гостиная была опрятная, функциональная. Перед диваном и журнальным столиком стоял маленький телевизор. Только она хотела взять одну из папок с материалами дела, как на журнальном столике засигналил ее телефон. Номер на дисплее не высветился. Она ответила на звонок. В трубке раздался голос молодой женщины, в речи которой явно прослеживался акцент, свойственный кокни.

– Это Эрика Фостер?

– Да. – Эрика слышала, что на другом конце линии где-то в глубине помещения работает телевизор.

– Мне только что звонил Джеймс. Он сказал, что вы хотите со мной поговорить. Что это поможет в расследовании дела, которое вы ведете... Да, кстати, я – Зада Ромеро.

– Что он сказал вам по поводу дела?

– Немного. Что вы нашли труп, набитый кокаином. По-

слушайте, я не хочу говорить по телефону, но готова встретиться с вами завтра утром, в половине десятого, в кафе «Неро» в Бекенэме.

– Да, это было бы здорово.

– Джеймс сказал, что вы обычно платите за информацию.

– Так и сказал?

– Да. Сказал, что я получу две сотни. А также кофе с пирожным.

– Хорошо.

– Отлично. Тогда до встречи.

Кладя трубку, Эрика не могла сдержать улыбки.

Глава 11

Утром следующего дня Эрика и Зада Ромеро, как и условились, встретились в кафе «Неро» в Бекенэме. Зада оказалась хрупкой миниатюрной женщиной двадцати восьми – двадцати девяти лет с коротко остриженными прямыми темными волосами.

– По виду не скажешь, что вы из полиции. Вы больше похожи на иностранную теннисистку, – заметила она, когда Эрика вернулась к столику с кофе и пирожным. Речь у нее была четкая, с характерным выговором, присущим кокни.

– Я родилась в Словакии, но уже двадцать пять лет живу в Великобритании.

Зада подула на кофе и глотнула из чашки. Они сидели у большого венецианского окна с видом на Бекенэм-Хай-стрит, по которой торопливо шли под дождем люди.

– Надеюсь, у нас неофициальная беседа, без протокола? – уточнила она.

– Разумеется, – подтвердила Эрика. Народу в кафе было много. Компания женщин за соседним столиком восхищалась сумкой «Биркин».

– Четыре тысячи такая стоит, – с завистью произнесла Зада.

– Знаю. На прошлой неделе мне из Словакии звонила сестра, Ленка. Хвасталась. Муж ей купил такую сумку.

Зада вскинула брови.

– Повезло вашей сестре. И кто же у нее муж?

– Мороженщик.

– Наверно, бойко у него торговля идет, раз заработал на такую сумку.

Эрика покачала головой:

– Мороженое – лишь прикрыtie. Он работает на мафию.

– А вы, значит, служите в полиции? – удивилась Зада. Чайной ложечкой она зачерпнула пенку с поверхности капучино.

– Но не в Словакии.

Зада втянула пенку с ложки в рот, затем склонила набок голову, глядя на Эрику, и, по-видимому, решила, что может ей доверять.

– Джеймс немного ввел меня в курс дела, рассказал, что мог. Кокаин на большую сумму. Его наверняка кто-то ищет.

– Это я уже поняла, – сказала Эрика. – Шесть лет занималась наркотиками в манчестерской полиции.

– Даже так? Лучше бы легализовали наркотики. В этой войне вам никогда не победить.

– Неужели? – ошетинилась Эрика. – Если бы это был легальный товар и его доставляли обычные грузовые фургоны, тогда люди вроде вас не смогли бы делать деньги.

Зада подалась вперед всем телом и ложечкой постучала по столу.

– Я не «делала деньги», Эрика. Я старалась выжить. В

2009-м мой салон красоты пошел ко дну, я потеряла дом и все свои сбережения. Мне удалось приобрести маленькую квартирку и добиться пособия. Но в моем жилище имелась лишняя крохотная комната, и мне пригрозили, что пособия меня лишат. Тогда я нашла квартирантку, которая от безысходности согласилась снимать тесную сушилку, только она в любое время дня и ночи водила к себе мужиков. Один из них чуть не изнасиловал меня в моей же собственной постели. С квартирантами было покончено, квартиру я потеряла, и мне пришлось переселиться в дешевую гостиницу. Перевозить наркотики я согласилась по одной простой причине: я оказалась в отчаянном положении. Выбор у меня был невелик: наркотики либо проституция. И я, как мне представлялось, выбрала меньшее из двух зол. Так что не судите меня строго. Никто не застрахован от неудачи, которая может поставить человека перед ужасным выбором.

Умолкнув, она откинулась на спинку стула и аккуратно смахнула с глаза слезу. Эрика вытащила влажную салфетку.

– Не надо, – отказалась Зада. С блюдца, на котором стояла чашка с кофе, она взяла маленькую салфетку и промокнула глаза.

– Ладно. Я вас слушаю, – произнесла Эрика. Она дала Заде время успокоиться, затем спросила: – Сколько ходок вы сделали?

– Три. Проглотила товар, села в самолет, доставила в пункт назначения.

– Куда?

– Два раза в Испанию. Один раз в Кюрасао. Дьявольская работа. Мне еще никогда не было так страшно. Страшно, что меня поймают; страшно, что внутри меня тикает часовой механизм. И те капсулы были огромные. Сначала я училась заглатывать толстые кольца моркови. Думала про себя: пусть я наркокурьер, зато хоть зрение улучшится, буду видеть в темноте. – Она улыбнулась, качая головой. – Первый раз все прошло как по писаному. Во второй раз меня стало тошнить от пищи, что я съела в аэропорту перед вылетом.

– И как вы поступили?

Зада сконфузилась, заелозила на стуле.

– Мне пришлось опустошить желудок на полочку в унитазе, потом я снова проглотила капсулы. – Она заставила себя посмотреть в глаза Эрике, но вид у нее был пристыженный.

Испытывая дурноту, Эрика поставила на стол чашку с кофе.

– Как вы в это ввязались?

– У центра занятости в Кэтфорде наткнулась на одного типа. Он сразу понял, что я на грани нищеты. Пригласил меня на обед. В «Уэзерспунс»¹³, представляете? Бесплатно накормил роскошным обедом, на который мне не пришлось разменивать свой жирочек¹⁴. Он объяснил мне механизм пере-

¹³ «Уэзерспунс» (J. D. Wetherspoon) – сеть пабов в Великобритании и Ирландии (в народе известна как «Wetherspoon's» и «Spoon's»). Основана в 1979 г.

¹⁴ Жирочек – чек, который получают те, кто имеет право на пособие по безра-

возки наркотиков, сказал, что за каждую ходку я буду получать десять кусков.

– В желудке нашей жертвы было обнаружено большое количество капсул с наркотиком. За какое время до отъезда он должен был их проглотить? Мне необходимо установить, покидал он Великобританию или только что прибыл.

– Товар заглатывают перед самым отъездом. Возможно, он только что прилетел. Но обычно курьер сразу отдает то, что проглотил.

– Что происходит, когда вы добираетесь до места назначения?

– Курьера встречает связной. Его отводят туда, где можно передать товар. Они проверяют, весь ли товар на месте, все ли капсулы целы. Когда я последний раз передавала товар, выяснилось, что одна капсула разорвалась у меня в желудке.

– Как они поступили?

– Забрали наркотики, меня бросили, – без всяких эмоций в голосе ответила Зада.

– Бросили. Где это было? – осведомилась Эрика.

– В том офисном здании, в старом офисном здании близ Хитроу. Я потеряла сознание в коридоре. Меня нашел уборщик.

– Сочувствую.

– Полиция забрала вторую половину денег, что мне запла-

ботице (безработные матери, инвалиды и т. п.). Его можно обменять на деньги в почтовом отделении.

тили. Пять кусков. Что бывает с этими деньгами?

– Они остаются в полиции.

– Это я знаю. Но что с ними делают?

– Деньги не трогают, пока дело не закрыто, а потом полиция через суд может получить разрешение на то, чтобы использовать их для реализации государственных проектов, для снижения государственного долга.

– Все против меня в этом мире, – покачала головой Зада.

– Что вы можете рассказать о тех, на кого вы работали?

– Мне известны только имена, да и те, наверно, вымышленные. Но они меня знают. У них есть мои паспортные данные.

– Обещаю, никто не узнает, что мы с вами встречались. Как они с вами связывались?

– Звонили, всегда с анонимного номера. Один парень – по голосу хиппи – представился Зутон, другой – Гэри.

– Вы согласитесь составить их фотороботы? Чтобы мы имели хоть приблизительное представление, как выглядят эти люди, занимающиеся контрабандой наркотиков?

– Я думала, у нас неофициальная встреча.

– Так и есть. Но я ищу убийцу. Возможно, ваша информация поможет следствию. Если хотите, приходите в отделение, или мы пришлем эксперта к вам на дом. Разумеется, на условиях конфиденциальности.

– Нет, простите. Не хочу рисковать. Я только что нашла себе приличное жилье в приличном месте.

Эрика кивнула и глотнула кофе.

– Того парня, что пытался вас изнасиловать, арестовали?

– Нет.

– Человек, которого мы ищем, убил двоих – это то, что нам пока известно.

Зада снова маленькой салфеткой отерла слезу и кивнула.

– Спасибо. Я все устрою. – Эрика достала телефон, сделала в нем пометку.

– Знаете, он ведь вас любит. Джеймс, – промолвила Зада.

Эрика взглянула на нее.

– Что?

– Джеймс.

Эрика опешила.

– В больнице он обсуждал свою личную жизнь?

– Когда в больнице знакомятся два человека и оба с калоприемниками, для них уже не существует запретных тем.

– Ох.

– Да нет, он не слишком откровенничал, ничего такого. Мы говорили о жизни. Что оба едва не погибли, что нам хотелось бы вести полноценную жизнь. Ему почти сорок. Он хочет остепениться... Детей он очень хочет, а вы – нет. Впрочем, вы, наверно, и сами это знаете.

– А вы готовы родить ему детей? – резко спросила Эрика.

– Я не могу иметь детей, – ответила Зада. – Так что вам бояться нечего.

Эрика достала из сумки конверт и пододвинула его по сто-

лу Заде.

– Здесь все. Двести фунтов. Надеюсь, вы сдержите слово – насчет фотороботов.

Зада взяла конверт.

– Я не хотела вас расстраивать.

– Спасибо, что согласились встретиться, – поблагодарила Эрика, стараясь говорить спокойно, и покинула кафе.

Машину она оставила за углом, у магазина «Маркс и Спенсер». Идти до нее было два шага, но Эрика успела насквозь промокнуть. Она села за руль, захлопнула дверцу. *Детей он очень хочет, а вы – нет.* Эти слова звенели в ушах, причиняя боль. Эрика откинулась на спинку кресла, глядя на дождь. Водяные струи заливали лобовое стекло, искажая и серое небо, и машины вокруг.

Засигналил телефон. Эрика увидела, что звонит Нилз. Она сделала глубокий вдох и ответила.

– Я не вовремя? – спросил он.

– Нет-нет, – ответила Эрика, а про себя подумала, что он попал в самую точку.

– Я установил личности обоих убитых из чемоданов! – торжествующим тоном сообщил Нилз.

– Что? Я думала, вы не обнаружили совпадений в национальной криминалистической базе.

– Не обнаружил. Но иногда я использую особый метод, несколько нетрадиционный. И последние года два он позволяет нам получать прекрасные результаты.

– Что за метод?

– Я задал поиск в частной базе данных ДНК, которой пользуются несколько генеалогических вебсайтов. Люди, составляющие свое генеалогическое древо, теперь имеют возможность запросить тест-набор для самостоятельной сдачи анализа ДНК. Набор присылают по почте, с его помощью берется мазок слюны, который отсылается обратно. Генеалогическая база данных дала нам положительный результат по обоим вашим жертвам. Все подробности я сейчас направляю вам по электронной почте.

Глава 12

По возвращении в отделение полиции Луишем-роу Эрика поднялась в кабинет суперинтенданта Хадсон и сообщила, что личности обеих жертв убийства установлены. Мелани пролистала материалы дела, что сейчас лежали у нее на столе, внимательно рассмотрела фотографии на паспорт обеих жертв, которые у них теперь были.

– Это двойное убийство. Чтобы его раскрыть, необходимо увеличить состав следственной бригады. Мне нужно больше людей, – сказала Эрика.

Мелани взяла снимок, на котором были запечатлены похожие на лущеный арахис аккуратные маленькие упаковки в полиэтиленовом пакете – капсулы с кокаином, изъятые из тела Томаса Хоффмана.

– Эрика, здесь речь идет о кокаине, в больших количествах. Убитый мужчина занимался контрабандой наркотиков. Думаю, мы должны передать это дело в отдел по борьбе с наркотиками. Насколько я могу судить, наркодилер чем-то прогневил босса и был убит. – Мелани откинулась на спинку кресла.

– А женщина? – спросила Эрика.

– Его подружка, попала под раздачу, – пожала плечами Мелани.

– Нет! Его убили не за наркотики. Наркотики здесь совер-

шенно ни при чем! – с жаром возразила Эрика. – И мы не вправе просто так утверждать, что она была его подружка. Оба убийства были тщательно спланированы. Убийце нужно было заманить жертвы в такое место, где он мог их убить и спокойно расчленить, не опасаясь, что его увидят. Их лица разбиты до неузнаваемости. И потом, убийца оставил наркотики. Будь это убийство из-за наркотиков, дилер-конкурент или организатор контрабанды наркотиков забрал бы кокаин.

Мелани вздохнула, глядя на два комплекта снимков с двух мест преступлений: на тела в чемоданах. Эрика взяла увеличенное фото на паспорт худенькой молодой женщины с зелеными глазами, маленьким острым носиком и длинными белокурыми волосами. Кожа у нее была чистая, сияющая.

– Убитая женщина – двадцатичетырехлетняя Шарлин Селби. Из состоятельной семьи, принадлежащей к среднему классу. – Эрика взяла второе фото на паспорт – темноволосого мужчины с оливковой кожей, карими глазами и изрытым оспинами круглым лицом. Его редеющие сальные темные волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб. – Убитый мужчина – тридцатичетырехлетний Томас Хоффман. Вдовец, к суду не привлекался.

– Эрика, я только что рассматривала эти фотографии...

– Оба европейской внешности, выходцы из среднего класса, трудолюбивые. Понимаете, наверно, как это обыграет пресса. Прямо так и вижу заголовки в «Дейли мейл».

– Ты угрожаешь обратиться в прессу?

– Нет. Я просто считаю, что нельзя смешивать это дело с сотнями других, которыми занимается отдел по борьбе с торговлей наркотиками. А то оно лягнет тебя под зад.

Мелани приподняла брови, еще раз посмотрела на фотографии и покачала головой:

– Ладно. Я выделю тебе несколько человек, помещение под оперативный отдел и, если потребуется, патрульных.

– Спасибо. – Эрика принялась складывать в папку фотографии.

– Но если что-то изменится, ты должна в ту же секунду меня уведомить. И если выяснится, что эти убийства все же связаны с наркотиками, ты беспрепятственно передашь дело в соответствующий отдел. Это ясно?

– Абсолютно. Я не стану чинить препятствия ни тебе, ни кому другому, – пообещала Эрика.

Мелани заметила, как заблестели глаза Эрики, как она мгновенно оживилась, и, когда та вышла из кабинета, хлопнув дверью, буркнула себе под нос:

– Твоими бы устами...

Часом позже расширенная команда Эрики в полном составе собралась в оперативном отделе Луишем-роу – большом помещении открытой планировки. Сержант Крейн, светловолосый полицейский тридцати пяти лет, разносил копии материалов, лавируя между столами, которые стояли почти вплотную один к другому. Макгорри сидел напротив

констебля Рейчел Найт, темноволосой сотрудницы полиции двадцати пяти лет, с которой Эрике прежде уже случалось работать, и констеблем Брайаном Темплом, симпатичным молодым шотландцем, новичком в ее команде. Трое сотрудников полиции из гражданских – двое молодых мужчин и молодая женщина – вместе с Мартой Чапмэн крепили фотографии и прочие материалы на большой демонстрационной доске, которая находилась в глубине комнаты. Мосс, сидя за компьютером, только что закончила говорить с кем-то по телефону. Эрика прошла к демонстрационной доске.

– Всем привет. Итак, один из убитых – мужчина тридцати четырех лет по имени Томас Хоффман, – начала она, показывая на фотографию, что была пришпилена рядом со снимком изуродованного лица убитого, сделанным на месте преступления. – Британский подданный, родился в Норидже. Ни семьи, ни братьев и сестер. Последний известный нам адрес его проживания – район Доллис-Хилл на северо-западе Лондона. Был дважды женат. Первая жена, Мариэтта Хоффман, до сих пор живет и здравствует, а вот вторая жена, Дебби, умерла два года назад. К суду не привлекался, ему даже штраф за нарушение правил парковки ни разу не выписали. Я хочу знать о нем все: финансовое положение, распечатки звонков с мобильного телефона, общение в соцсетях.

Эрика перешла ко второму фото.

– Вторая жертва – Шарлин Селби, двадцати четырех лет. Тоже британка. Ее родители, Джастин и Дафна Селби, заре-

гистрированы как акционеры компании «Авто Селби», которая вполне успешно торгует автомобилями в Слау.

– Они числились пропавшими без вести? – поинтересовалась Мосс.

– Нет. Об их исчезновении никто в полицию не заявлял – то-то и странно, – заметила Эрика, пальцем постукивая по обоим фотографиям. – Нужно выяснить, есть ли связь между Шарлин и Томасом. Были ли они знакомы? Имелись ли у них точки соприкосновения? Встречались ли они? Жила ли Шарлин Селби вместе с Томасом Хоффманом? Если она зарегистрирована по домашнему адресу родителей, почему те не забили тревогу?

Эрика подошла к большой карте Темзы в центре демонстрационной доски.

– На чемодан с телом Шарлин две недели назад наткнулся мужчина, выгуливавший собаку. Чемодан был обнаружен во время отлива под мостом Челси. Это жилой район, застроенный многоквартирными домами. Чемодан с телом Томаса мы нашли два дня назад близ Национального театра, на удалении 2,8 миль ниже по реке. В обоих случаях чемоданы зацепились за что-то такое, что помешало течению унести их дальше. Макгорри, вы обещали, что попросите сотрудников речной службы проанализировать таблицы приливов и отливов.

– Да. Я жду сообщения от сержанта Лорны Крозье из подразделения водолазов. Вчера я отправил ей даты и координаты.

наты. Она сказала, что анализ таблиц займет пару дней.

– Хорошо. Мы ждем результатов токсикологической экспертизы по обеим жертвам. Нилз Акерман в своей лаборатории пытается снять отпечатки с бетона, что лежал в чемодане с телом Шарлин Селби. Думаю, это и есть орудие убийства, а также связующее звено между двумя жертвами. Мы должны отработать все возможные варианты, – сказала в заключение Эрика. – Хватайтесь за каждую зацепку и помните...

– ...глупых вопросов не бывает! – хором закончила ее команда.

– Рада, что вы меня внимательно слушаете, – улыбнулась Эрика.

– Думаю, надо бы закинуть удочку в отдел наркотиков. Не заметили ли они случаем какого шухера в сообществе наркоторговцев, – предложила констебль Найт. – Может, прошел слух, что кто-то ищет пропавший товар на тридцать тысяч.

– Согласна, – одобрила Эрика. – Вот вы этим и займитесь. Работу оперативного отдела координирует сержант Крейн.

Все мгновенно оживились. Крейн встал и принялся раздавать задания кадровым и гражданским сотрудникам полиции.

Эрика подошла к Мосс:

– Ты со мной. Хочу сегодня уведомить ближайших родственников.

– Так ведь у Томаса Хоффмана в живых из родственников никого нет, – напомнила Мосс.

- Зато есть бывшая жена, а бывшие жены, на мой взгляд, зачастую кладезь информации.
- Хэштег: язык без костей, – усмехнулась Мосс.
- Будем надеяться.

Глава 13

На электричке они добрались до вокзала Лондон-Бридж, там пересели в метро и по Северной линии доехали до станции «Олд-стрит». У глазной клиники «Мурфилдс» Эрику и Мосс ждал патрульный автомобиль, который повез их к муниципальному жилому комплексу «Пинкхерст». Ехали они недолго. Эрику всегда поражали контрасты Лондона: миновал несколько улиц, и из богатого района с домами и административными зданиями, где квартиры и офисы стоят по несколько миллионов фунтов стерлингов, попадаешь фактически в гетто.

Мариэтта Хоффман жила в серой многоквартирной высотке – одной из пяти башен, что образовывали жилой комплекс «Пинкхерст» на северо-востоке Лондона. Они въехали на изрытую выбоинами пустующую парковку, где вокруг сгоревшей машины ошивалась компания юнцов. Их яркие толстовки и спортивные штаны зловещим цветовым пятном выделялись на фоне серого неба и бетона.

– Я постараюсь высадить вас как можно ближе, – сказал сидевший за рулем патрульный – коренастый мужчина средних лет с седоватой бородкой. – Мне уже случалось здесь бывать. Обычно по выходе нужно ноги вытирать.

– Слава богу, что мы на автомобиле без опознавательных знаков, – произнесла Эрика, заметив, что юнцы поглядывают

на них с любопытством.

Патрульный припарковался у стоявших в ряд трех мусорных баков. Мариэтта жила на втором этаже. Эрика и Мосс поднялись по лестнице и оказались в длинной открытой галерее, с одной стороны огороженной бетонными плитами. Из квартир, мимо которых они шли, доносились вопли и крики детей и взрослых. Сбоку от каждой двери находилось кухонное окно. Эрика замедлила шаг, увидев в одном маленькую девочку в розовом платье. Та сидела на сливной полке раковины, прижимая крошечную ладошку к грязному стеклу. За ней чуть поодаль курила молодая женщина. При виде Эрики и Мосс она поспешила опустить жалюзи.

– Приняла нас за работников соцслужбы, – тихо прокомментировала Мосс.

Они остановились у квартиры в конце коридора и постучались. Спустя мгновение дверь им открыла крупная неопрятная женщина с копной спутанных черных кудряшек на голове, в выцветшем красном спортивном костюме и желтых резиновых перчатках. На вид ей было едва за пятьдесят, в руке она держала пожелтевший ершик для унитаза. Рядом с входной дверью они увидели маленький замызганный туалет.

– Вам чего? – Женщина смерила гостей взглядом.

– Я – старший инспектор Эрика Фостер. Со мной инспектор Мосс, – представила себя и коллегу Эрика. Они обе показали удостоверения. – Можно войти?

– Зачем это? – Женщина рукавом отерла лоб.

– Мы пришли по поводу вашего бывшего супруга, Томаса Хоффмана, – объяснила Эрика.

– Неужто помер? Угадала? – спросила женщина, все еще сжимая в руке туалетный ерш.

– Вы позволите нам войти?

– Входите. Только ноги вытирайте. И обувь снимите, – отрывисто велела женщина. Она отступила в сторону, пропуская их в квартиру.

Снять обувь в тесном коридорчике было не так-то просто, тем более что за ними зорко наблюдала Мариэтта, державшая в руке грязный ерш для унитаза. Она ровно, словно по линейке выставила их туфли на коврике, занесла в туалет ерш и затворила туда дверь. Они последовали за ней по узкому проходу, миновали лестницу, закрытую дверь и оказались в небольшой гостиной. Здесь царил безупречный порядок, но мебель была старая. Низкий сервант из светлого дерева украшали затейливые салфеточки и безделушки. Один угол занимал телевизор, на котором восседала ваза с ракушками. Из окна, занавешенного белым тюлем, открывался вид на жилой комплекс. Выцветший истертый ковер, вероятно, недавно пылесосили, так как на нем виднелись следы, оставленные щеткой. И в комнате стоял резкий еловый запах освежителя воздуха. Над диваном висела на стене шляпа мажоретки¹⁵ в военном стиле – блестящий черный козырек, высо-

¹⁵ Мажоретки – девушки в военной или военизированной форме, участницы

кая тулья из красного бархата, золотой шнур. Ниже на двух крючках располагался серебряный жезл.

– Присаживайтесь, – сказала Мариэтта.

Эрика и Мосс опустились на диван. Мариэтта осторожно присела на краешек небольшого кресла, что стояло рядом. Не снимая резиновых перчаток, она достала из кармана спортивного костюма пачку сигарет, закурила и, выпустив дым, пару раз кашлянула с клокотанием в горле.

– Так в чем дело?

– Как это ни прискорбно, но я вынуждена довести до вашего сведения, что ваш бывший супруг был найден убитым, – сообщила Эрика.

– Это вы могли бы мне и на пороге сказать! – рявкнула Мариэтта.

– Вы как будто даже не потрясены?

– Неужели? Откуда вам знать, что у меня на уме или на душе? Или вы намекаете мне, что все, кому вы сообщаете о смерти близких, сразу же заливаются слезами?

– Нет.

– Тогда продолжайте.

– Как вы догадались, что мы пришли к вам с известием о гибели вашего бывшего мужа? – спросила Эрика.

– Предположила, естественно. Я же не экстрасенс. Иначе давно бы разбогатела и переселилась из этой вонючей дыры.

– Если вы это предположили, значит, вы, должно быть,

подозревали что-то?

– Он говорил мне, что собирается провезти контрабандой какие-то наркотики. – Мариэтта стряхнула пепел в тяжелую стеклянную пепельницу на журнальном столике. – Как это случилось?

– Подробности нам неизвестны. Два дня назад его тело вынесло на берег Темзы. Оно было расчленено и уложено в чемодан, – ответила Мосс.

– В чемодан? – повторила Мариэтта.

– Да.

– Вы ничего не путаете?

– Нет, мы были на месте происшествия.

Мариэтта покачала головой:

– Он же такой крупный был. Большой должен быть чемодан, чтобы его в нем уместить.

Мосс посмотрела на Эрику, та кивнула и взяла инициативу на себя:

– Тело Томаса сначала расчленили, а потом уже уложили в чемодан. Мне очень жаль.

– Тогда понятно, – кивнула Мариэтта, стряхнув пепел в пепельницу. – Теперь большой чемодан не купить. В прошлом году я ездила в Бенидорм, так нам разрешили провезти с собой всего десять кило. Хочешь взять больше – плати бешеные деньги. – Она снова сделала затяжку и затушила окурочек в пепельнице. Эрика хотела задать ей следующий вопрос, но Мариэтта грузно поднялась с кресла:

– После таких новостей мне нужно чаю выпить. Вам налить?

– Да, спасибо, – поблагодарила Эрика.

Одергивая на спине кофту, Мариэтта пошла на кухню. Они слушали, как она возится с посудой. Закипел чайник.

– Что за черт? – тихо произнесла Мосс. – Ей сообщают, что ее мужа изрубили и запихнули в чемодан, а она думает только о том, как неудобно ездить за границу с маленьким багажом.

– Он – ее *бывший* муж.

– Да знаю я. Но хотя бы из приличия изобразила горе, как это делают многие.

– А что, и впрямь большие чемоданы так трудно купить? Суперинтендант говорила то же самое.

– Да, трудно.

– Вот что значит редко в отпуск езжу, – усмехнулась Эрика.

Спустя несколько минут в гостиную вернулась Мариэтта. Она принесла поднос с чаем и, ставя его на журнальный столик, заметила, что Мосс разглядывает шляпу мажоретки и жезл, висящие на стене.

– Я пять лет была мажореткой, – объяснила Мариэтта, разливая чай в фарфоровые чашки. – Потом вышла из возраста. В труппе держат до восемнадцати лет. Мне пошли навстречу – оставили до девятнадцати. Но потом я выросла из формы, а у них, как мне сказали, большего размера не было. Сволочи.

Она подала Эрике и Мосс по изящной чашке на блюде. Они обе отпили по глотку, не зная, как реагировать на ее слова.

– Когда вы последний раз видели Томаса? – осведомилась Мосс.

Мариэтта снова закурила и с чашкой в руке опустилась в кресло, выдыхая дым.

– Три недели назад.

– Сегодня четвертое октября, значит три недели назад – это тринадцатого сентября, в среду?

Мариэтта задумалась.

– Нет, днем раньше, во вторник, потому что в этот день я получила жирочек и купила торт к его приходу. Жирочек мне выдают каждые две недели, во вторник.

– Итак, вы видели его во вторник двенадцатого сентября. Тогда он вам сообщил про наркотики? – спросила Эрика.

– Да. Он долго не мог устроиться на работу. Его заставили посещать один из клубов по профобучению.

– Какую профессию он осваивал? – поинтересовалась Эрика.

Мариэтта издала клокочущий смешок.

– Да никакую. Это правительство придумало такое громкое название – профобучение. На самом деле они платят бешеные деньги какой-нибудь частной компании, а та на три месяца запирает их в комнате якобы для поиска работы и всеми правдами и неправдами заставляет заключать с про-

мышленными предприятиями нулевые договоры¹⁶... Там он и познакомился... с этим... э... – Она замялась.

– С кем? – допытывалась Эрика.

– С одним типом. Тот спросил у Тома, не хочет ли он быстро и легко заработать десять кусков. Кто ж от такого откажется? Том был в отчаянном положении, ему ужасно хотелось выбраться из дерьма, расплатиться с долгами. Последние годы ему приходилось туго.

– Он сказал, как звали того типа? – не унималась Эрика.

– Нет. Зачем бы он стал выдавать мне имена наркодилеров?

– Значит, тот тип был наркодилером? – уточнила Мосс.

– Очевидно.

– Зачем бы наркодилер стал наниматься на легальную работу?

– Из-за денег, наверное, ну и для прикрытия. Я подробностей не знаю.

– Значит, тот тип предложил Тому заработать десять тысяч фунтов контрабандой наркотиков?

– А я что говорю! – раздраженно воскликнула Мариэтта.

– Томас упоминал, куда он едет, как намерен перевозить наркотики?

Мариэтта выставила вперед ладони, и пепел с сигареты

¹⁶ Нулевой трудовой договор (договор с нулевым временем) – трудовой договор, по которому работодатель не гарантирует работнику ежедневную занятость и оплачивает только фактически отработанные часы.

упал ей на ноги.

– Я не хотела об этом слышать! Ясно? Посмотрите, где я живу. Здесь наркуши на каждом шагу. Прямо у меня под дверью. Я не хотела, чтобы он говорил об этом у меня дома.

Эрика почувствовала, что Мариэтта от них закрывается, и изменила тактику.

– Можно показать вам один снимок? – спросила она и, поставив блюдце с чашкой на коленку, полезла в карман. Чашка на блюдце задребезжала. Марианна подскочила с кресла, схватила ее.

– Не разлейте, пожалуйста. Диван очень светлый, каждое пятнышко на нем видно. – Она демонстративно опустила чашку с блюдцем на специальную подставку, что лежала на столике.

– Простите, – извинилась Эрика. Она достала блокнот, вытащила из него фотографию и передала ее Мариэтте.

– Симпатичная, – прокомментировала Мариэтта. – Кто это?

– Ее зовут Шарлин Селби. Ее тоже нашли мертвой. Она была убита, расчленена и уложена в чемодан.

Они пристально наблюдали за Мариэттой, но лицо той оставалось бесстрастным. Она вернула Эрике снимок.

– Какой ужас.

– Вы никогда не видели ее с Томасом? – спросила Эрика.

– Нет.

– И он о ней не рассказывал?

– Нет. Она занималась контрабандой наркотиков?

– Мы не вправе делиться информацией. У Томаса была подруга?

– Нет. Он бы мне сказал. Обязательно похвастался бы.

– Можно узнать, почему вы развелись?

– Одержимый он был. Я с ним задыхалась. Ревновал меня к каждому столбу, мог руку поднять. Я сочла, что достойна лучшей доли, – объяснила Мариэтта.

– Почему Томасу приходилось туго в последние годы?

– Он снова женился. Дебби ее звали. Хорошая девушка. Немного простоватая, бесхарактерная, но с ней он стал поспокойнее. Она работала в одной транспортной фирме в Гилфорде. Однажды вышла во двор, чтобы переговорить с кем-то из водителей, и не заметила, что едет грузовик. Бах-бабах. Умерла мгновенно, и ребенок тоже: она была беременна. Том расклеился. Один он ипотеку потянуть не мог. Потерял работу. Вернулся в Лондон в надежде, что сумеет начать все сначала. Я разрешила ему пожить у меня, но мы постоянно грызлись, и, устроившись на работу, он приобрел квартиру в Доллис-Хилл. Потом работы не стало, и ему снова пришлось обратиться в центр занятости.

– Вас не удивило, что он три недели не давал о себе знать? – спросила Эрика.

– Мы друг перед другом не отчитывались.

– Вы знали его семью?

– Его родители умерли, когда ему было восемнадцать.

Братьев и сестер у него не было.

Эрика и Мосс переглянулись.

– Я пытаюсь собрать о нем информацию. Нам ничего не удалось выяснить о родственниках Дебби. Родители ее умерли; она была единственным ребенком в семье, – сказала Эрика.

– Ничего не удалось выяснить, говорите? Вы-то сами обе, наверно, купаетесь в счастье и благополучии: денег куча, уютный дом в спокойном районе, да? Соседи, наверно, останавливаются у забора, чтобы поболтать с вами, когда вы косите газон. А вы полюбуйте, как живут другие – те, кто вырос в нищете. – Мариэтта постучала пальцем по подлокотнику кресла. – И хоть бы кто помог. У меня нет друзей, я не хожу на званые ужины, не посещаю литературные кружки. Я воспитывалась в детских приютах, время от времени попадала в приемные семьи.

– Я вам сочувствую... – начала Эрика.

– Ой, да не нужна мне ваша жалость. Я просто объясняю, почему вам не удалось получить представление о полноценной счастливой жизни Тома. Ее не существовало... Ну что, чай будете пить?

Эрика и Мосс осушили чашки и поставили их на блюдца.

– Вы согласитесь прийти в морг и официально опознать Томаса? – спросила Эрика.

– Что? Расчлененного?

– Да. Так положено.

- Ну, раз положено, – протянула Мариэтта.
- Спасибо. И возможно, у нас возникнут еще вопросы.
- В самом деле? Какого ответа вы от меня ждете? Если есть вопросы – задавайте!

Из занавешенного тюлем окна кухни Мариэтта смотрела, как Эрика и Мосс идут по парковке, где по-прежнему топталась компания юнцов. Те, дымя сигаретами, наблюдали, как полицейские садятся в машину. Хотя они и приехали в обычном автомобиле и обе были в штатском, эти ребята сразу их раскусили: полицию они чуяли за версту. Когда автомобиль с полицейскими укатил, Мариэтта прошла в коридор, где стоял домашний телефон.

Она сняла трубку и набрала номер.

Глава 14

– Что ты думаешь о Мариэтте Хоффман? – спросила Эрика, когда они сели в машину и покатили прочь.

– Она была с нами правдива, бескомпромиссно правдива, – отвечала Мосс. – Но нас не должны обезоруживать ее кажущаяся правдивость и разговорчивость.

Эрика кивнула.

– Что любопытно, она оставила фамилию Томаса, хотя они состояли в браке всего год и расстались не самыми лучшими друзьями.

– А что тут такого? Может, испугалась бюрократической волокиты, особенно если давно сидит без работы: пока переоформляла бы документы, то да се, ей могли бы приостановить выплату пособия. А ты почему оставила фамилию мужа? – поинтересовалась Мосс.

Ее вопрос застал Эрику врасплох.

– Черт, прости, босс. Не подумала. Я без всякой задней мысли.

– Ничего. Моя девичья фамилия – Болдишова.

– Как-как еще раз?

– Бол-ди-шо-ва. Эрика Болдишова. Типичная словацкая фамилия.

– После пары бокальчиков рома с кока-колой фиг произнесешь.

Эрика улыбнулась:

– Мне было проще остаться Эрикой Фостер. Ну и я сохранила частичку Марка. А как у тебя с Силией?

– Она – Силия Грейнджер, я – Кейт Мосс. – Она заметила, что водитель смотрит на нее в зеркало заднего обзора. – Естественно, *не та* Кейт Мосс.

– Естественно, – рассмеялся патрульный.

– Вот нахал, – улыбнулась Мосс и продолжала: – Наверно, мы сохранили свои фамилии из-за работы, когда поженились. Джейкоб у нас Мосс-Грейнджер. По-моему, звучит круто.

– Надо бы покопать по Мариэтте, выяснить ее девичью фамилию. Посмотрим, куда это нас приведет. Возможно, она одна из последних, кто видел Томаса Хоффмана, – сказала Эрика.

Начинался вечерний час пик, поэтому до Аксбриджа на западе Лондона они добирались почти два часа. Родители Шарлин Селби жили на длинной широкой зеленой улице – это был другой мир в сравнении с жилым комплексом «Пинкхерст». Они затормозили у черных железных ворот, и Мосс выбралась из машины. Рядом с воротами в кирпичной кладке был утоплен маленький домофон. Мосс позвонила, держа наготове свое удостоверение. Голос женщины, что ответила на вызов, наполнился подозрительностью. Она отказывалась их впускать, но потом уступила, и створы ворот распахнулись внутрь. Обсаженная деревьями длинная подь-

ездная аллея привела их к особняку. Они припарковались у огромного орнаментированного фонтана, в котором лениво плавал у самого дна большой парчовый карп. Эрика разглядела его, даже несмотря на то что недавно зарядивший дождь покрыл водную поверхность рябью.

Дверь открыла женщина – крашеная блондинка с короткой стрижкой. Элегантная, загорелая и донельзя чопорная. Лет под шестьдесят.

– Добрый день. Вы Дафна Селби? – осведомилась Эрика. Женщина кивнула. – Я – старший инспектор Эрика Фостер, а это – инспектор Мосс. Вы позволите нам войти?

Эрика и Мосс показали свои удостоверения. Дафна внимательно изучила документы и кивнула. Они ступили в просторный двухъярусный холл с винтовой лестницей. Потолок представлял собой небольшой купол из витражного стекла, по которому барабанил дождь. Дафна провела их в просторную гостиную, где в камине слабо горел огонь. Они увидели обилие мебели из темного дерева, диван и кресла, обитые мебельным ситцем. Высокий мужчина средних лет отверткой отвинчивал со стены огромный съемный киноэкран. На нем были светло-коричневые брюки и свитер с V-образным вырезом цвета лосося. Как и у жены, кожу его покрывал глубокий загар.

– К нам пожаловала полиция, – доложила ему Дафна.

При виде незваных гостей мужчина помрачнел, пожал им руки.

– Что-то с Шарлин, да? – спросил он.

– Прошу вас, давайте мы все сядем, – предложила Эрика. – Позвольте уточнить: вы Джастин Селби?

Мужчина кивнул.

– Скажите сразу, в чем дело. Не юлите. Что-то с Шарлин, да? – Он покраснел, на глазах проступили слезы. Дафна взяла мужа за руку.

– Да. Как это ни прискорбно, но недавно был обнаружен труп вашей дочери, – сообщила Эрика.

Поддерживаемый Дафной, Джастин нетвердым шагом двинулся к дивану. Эрика и Мосс дождались, когда хозяйева дома сядут, и после сами опустились в кресла. Дафна и Джастин долго плакали, обнимая друг друга, потом Эрика как можно деликатнее поведала им остальные подробности.

– Вы готовы ответить на несколько вопросов? – мягко спросила Мосс.

– Каких вопросов? – Тыльной стороной загорелой ладони Джастин отер слезы. Пальцы его были унизаны золотыми кольцами, запястье украшал золотой браслет из того же гарнитура. – Известно ли нам, кто мог убить нашу дочь? Нет!

– Позвольте узнать, почему вы не заявили об исчезновении Шарлин?

Джастин и Дафна горестно переглянулись.

– Мы не общались, – едва слышно объяснила Дафна.

– Почему? – допытывалась Эрика.

– Из-за наркотиков. Она была наркоманкой, – отвечал

Джастин. – Нет ничего пагубнее, чем ребенок-наркоман, да еще с деньгами. Они разрушают себя, к ним липнут всякие прихлебатели. Она уже несколько лет принимала наркотики.

– Весной мы перестали давать ей деньги, – произнесла Дафна, тихо, но твердым голосом. – Она четыре раза проходила реабилитацию в клинике. Вы должны понять, мы так поступили... так поступили, чтобы помочь ей. Врачи сказали, чтобы исцелиться, она должна достичь самого дна. Мы даже не знали ее адреса... Вы сказали, что нашли ее тело на южном берегу Темзы?

– Да. К сожалению, мне не удастся пощадить ваши чувства, – начала Эрика. – Ее тело обнаружили в чемодане. Оно было расчленено.

Дафна заплакала.

– Когда вы последний раз видели Шарлин? – спросила Мосс.

– Три недели назад... В тот день, когда в автосалон доставили новые автомобили. Она пришла в магазин на Лав-лейн.

– Это ваш автосалон? – уточнила Эрика.

– Да. – Джастин обнял одной рукой жену.

– Прошу вас, расскажите, что тогда произошло?

Джастин с горечью рассмеялся.

– Она хотела взять одну из машин для пробной ездки. Уверен, это все тот тип, что был с ней, – сказал Джастин.

– Что за тип? – спросила Эрика.

Джастин судорожно вздохнул, всхлипнул, но сумел сохра-

нить самообладание.

– Вместе с ней в салон явился какой-то тип. Здоровенный грязный мужик с темными волосами. Она свалилась как снег на голову, потребовала ключи. Я сказал, что не дам ей машину. Она стала убеждать, что трезва как стеклышко. Потом он подошел, устроил сцену.

– Что за сцену?

– Она кричала, он потрясал кулаком мне в лицо, орал, что ему все известно про нас, что нам плевать на Шарлин... Совершенно посторонний человек... неизвестно кто... какое он имел право... Я разобрался бы с ним, но в тот день у нас сидели два клиента. Они оба каждый год сдают нам старые автомобили и покупают новые. Речь шла о трехсоттысячной сделке. И все это разворачивалось у них на глазах... – Он умолк на несколько секунд. – В общем, я позволил им взять машину.

– В котором часу они пришли в салон? – спросила Мосс.

– В два, в два тридцать.

– Три недели назад. То есть двенадцатого сентября, во вторник, так?

Дафна подняла голову, отерла слезы и кивнула.

– Вам известно, как звали того мужчину? – осведомилась Эрика.

– Нет. Здоровенный такой, от него несло спиртным. А ведь у нее не такое воспитание, чтобы водиться со всякими уродами.

Эрика достала из сумки небольшую фотографию Томаса Хоффмана и показала родителям девушки.

– Да, это он, – подтвердил Джастин. – Вы его арестовали?

– Нет. Он тоже убит. Его тело тоже найдено в реке, в чемодане. Расчлененное, как и тело Шарлин, – тихо произнесла Эрика. Последовало долгое молчание.

– Шарлин говорила, зачем ей нужен автомобиль? – спросила Мосс.

– Сказала только, что хочет его испытать, – ответил Джастин.

– Она это часто практиковала? Часто обкатывала автомобили?

– У нее это было любимое занятие, когда она училась водить, в семнадцать лет... Конечно, тогда она не увлекалась ни спиртным, ни наркотиками.

– После того как они забрали «Ягуар», она не давала о себе знать. И машину не вернула ни в тот же день, ни на следующий. Автомобиль мы нашли три дня спустя. Его оставили перед автосалоном.

– То есть в пятницу, пятнадцатого сентября? – уточнила Мосс.

– Если она сказала спустя три дня, значит, именно тогда! – вспыхнул Джастин. Дафна положила руку ему на плечо.

– Ключи были в зажигании. Обивка вся в пятнах. В салоне грязь: кого-то стошнило на заднем сиденье.

– Вы вызвали полицию? – спросила Мосс.

– Нет! – рассвирепел Джастин. – Я ни за что не стал бы доносить в полицию на собственную дочь. Мы знали, что она вернет машину.

– И вы понятия не имеете, почему она не возвращала ее так долго и куда они ездили?

Дафна покачала головой.

– Что вы сделали с «Ягуаром»? – любопытствовала Эрика.

– Вымыли, почистили, но толку от этого немного. Теперь ждем, когда поменяют обивку. Надеемся, что, может, потом удастся... – Голос Дафны сорвался, и она снова расплакалась. Джастин махнул рукой, словно предлагая им удалиться, а сам нагнул голову, чтобы скрыть слезы.

– Давай пока оставим их, – сказала Эрика.

Эрика и Мосс покинули гостиную, миновали лестницу и вошли в светлую просторную кухню. Из окна открывался вид на восхитительно ухоженный сад с песочницей, детскими качелями и горкой. Эрика налила в чайник воды из крана.

– Если они лишили Шарлин карманных денег, на что она жила? – задалась вопросом Эрика. – Каким образом в это уравнение вписывается Томас? Он употреблял наркотики? Жаль, что у нас еще нет результатов токсикологической экспертизы обоих тел. – Она включила электрочайник.

– Двенадцатого сентября Шарлин пришла в автосалон вместе с Томасом. По словам Мариэтты, в этот самый день

Томас заходил к ней, – заметила Мосс.

– Он виделся с ней утром. Может, это и совпадение. Только я не верю в совпадения.

С минуту они молчали, слушая бульканье закипающего чайника. Эрика подошла к большому холодильнику из нержавеющей стали, в американском стиле. Он был облеплен листочками с напоминалками и диетологическими таблицами и выкладками «весонаблюдателей»¹⁷. Здесь же висели разные фотографии: Дафна играет с двумя малышами – мальчиком и девочкой – на качелях и на горке; Дафна обнимает детей в ресторане (выше стояла надпись «Бабушке 60!»). А еще они увидели одно свадебное фото мужчины с жидкими волосами и его невесты.

– Брат Шарлин, должно быть? И внуки? – предположила Мосс.

Внимание Эрики привлекла фотография, пришпиленная магнитом со смайликом к холодильнику в его верхнем левом углу. Эрика сняла ее. Снимок был сделан на каком-то торжестве. Семейное фото: Дафна, Джастин, малыши и Шарлин – с краю. Вид у нее был испитой, волосы взлохмачены, в руке – бутылка пива. Но даже неряшливая и неопрятная, она все равно выглядела вполне привлекательной женщиной. Магнит со смайликом был наклеен прямо на ее лицо.

– Такое впечатление, что они ждали известия о смерти

¹⁷ Weight Watchers – американская компания, предлагающая различные системы питания для похудения. Основана в 1963 г.

Шарлин, – заметила Мосс. – Не представляю, как можно так жить. Все время ждать звонка или прихода полиции.

Чайник закипел, и они заварили чай для скорбящих родителей.

Глава 15

Август 2016 года

Нина и Макс сняли на ночь комнату над старинным пабом, что размещался в высоком узком здании из гранита в небольшой деревушке на краю Дартмура¹⁸. Нина проснулась рано. Она глянула на спящего рядом Макса, потом на окно, в которое струился солнечный свет, падавший на потертый красный ковер. Прижимая футболку к обнаженной груди, она подошла к окну, распахнула его. Местность вокруг она еще почти не видела: вчера они прибыли поздно вечером. Воздух был свежий, немного холодный, но солнце стояло уже высоко в безоблачном синем небе. Ее взору представала зеленая холмистая ширь, простиравшаяся до самого горизонта. Внизу по дороге двигалась группа пеших туристов. Перестук их палок смешивался с гомоном невнятной болтовни. Удаляясь, они сошли с дороги на травянистый покров пустоши, стук палок прекратился, постепенно стихли и голоса. Красота природы ее потрясла. Нина родилась и выросла в Лондоне. Она была горожанкой до мозга костей, и сейчас ее поразило многообразие красок, обилие сочных оттен-

¹⁸ Дартмур (Dartmoor) – холмистая болотистая местность площадью ок. 954 км² в графстве Девон на юго-западе Англии, а также одноименный национальный парк Великобритании.

ков зеленого, коими переливалась пустошь, раскинувшаяся на многие мили окрест, а вдалеке высились горы с серыми вершинами. Услышав свист, Нина повернула голову. С другой стороны, от деревни, шел молодой темноволосый парень, с которым они разговорились в пабе накануне вечером. Он был симпатичный, но очень худой и все время с ней флиртовал.

– Похмелье мучает? – спросил он. Прищурившись, парень смотрел на нее снизу вверх, обнажив в улыбке крупные зубы.

– Немного, – улыbnулась она в ответ, накручивая на пальцы прядь длинных волос.

– Ну что, на прогулку-то идете?

– Не знаю. Макс еще спит.

Она почувствовала, как чьи-то пальцы обхватили ее руку: у нее за спиной стоял Макс.

– С кем это ты там болтаешь? – резко спросил он.

– Смотри, это Дин, – показала Нина.

– Накинь на себя что-нибудь, – велел он, видя, что она прикрывает грудь футболкой, и рыком оттащил ее от окна. Потом, выглянув на улицу, сказал Дину: – Жди там. Мы скоро спустимся.

Макс захлопнул окно и потопал в коридор – пошел в ванную принимать душ. Нина в смятении опустилась на кровать. Вечер они провели весело. Сели ужинать в пабе. Потом Макс отправился за очередной порцией напитков и вернулся к столику вместе с Дином, с которым он познакомился у

барной стойки.

– Это моя Нина. Шикарная, да? – сказал Макс, представляя их друг другу.

– Красавица, – согласился Дин, пялясь на груди Нины, проступавшие из-под футболки. Макс, заметив это, одобрительно кивнул. Подсев к ним за столик, Дин сообщил, что остановился в кемпинге, который находится на удалении нескольких миль, а еще через какое-то время, уже опьянев, признался, что приехал сюда продавать наркотики на местных народных гуляньях. Нина больше молчала, слушая, как парни, сдружившись, делятся воспоминаниями о своем детстве, проведенном в приютах и в семьях приемных родителей.

Они сидели в пабе до закрытия, а потом, когда все втроем вывалились в холл, произошло нечто очень странное. Макс стоял между ними, одной рукой обнимая ее, другой – Дина, а потом вдруг притянул их обоих к себе и к друг другу, так что они лицами прижались к его лицу. Дин, тяжело дыша, с вождением во взгляде, провел ладонью по груди Нины, затем – по груди Макса.

– Как же я хочу вас, обоих, – заплетающимся языком произнес он.

– Иди, дуй в свой кемпинг, – сказал Макс. – Хватит.

Теперь, в холодном свете утра, Нина подумала, не слишком ли далеко она зашла.

После завтрака, проходившего в атмосфере неловкости,

которую Нина безуспешно пыталась разрядить, стараясь вызвать Макса на разговор, он решил, что все же хочет отправиться в поход. Велев Нине собрать рюкзаки, Макс вышел на улицу, где их ожидал Дин.

Спустя четверть часа, выйдя из гостиницы с двумя рюкзаками в руках, Нина увидела, что Макс и Дин ждут ее на скамейке. Они покатывались со смеху, но при ее приближении хохотать прекратили.

– Все нормально? – спросила она, отдавая Максу тот рюкзак, что был больше и тяжелее.

– Конечно, все путем, – ответил он, надевая на плечи свою ношу. И парни снова загоготали.

– Все путем! Кто, черт возьми, говорит, что все путем! – крикнул Дин, хлопнув себя по ноге. Смеясь, он выставял напоказ свои крупные зубы и покрытые липкой слюной розовые десны. Макс нагнулся и поднял из-под скамейки бутылку виски. Она уже была наполовину пуста.

– Ну-ну, теперь понятно, почему у вас все путем, – улыбнулась Нина. Макс предложил ей глотнуть виски, но она мотнула головой.

Они двинулись от паба в сторону пустоши. Перешли по мосту небольшую речку, и Дартмур открылся им во всей своей красе. Макс сказал, что хочет показать им водопад в одном укромном местечке, до которого идти несколько миль. По дороге парни допили виски и вскоре завели разговор о

сексе, в частности о том, как они развлекались с женщинами. Нина, испытывая неловкость, приотстала, любуясь пейзажами. Пустошь поражала красотой. Погода стояла жаркая, но легкий ветерок гнал по небу облака, и солнце то исчезало, то снова выглядывало, заливая все вокруг слепящим светом.

Сразу же после полудня они добрались до глубокой впадины на пустоши и по узкой тропке последовали к тому месту, где водопад, казалось, пробивался из камней и обрушивался в маленький глубокий водоем, окруженный огромными валунами.

Парни, покрасневшиеся и потные от жары и алкоголя, приникли к воде, утоляя жажду. Нина тоже напилась. Затем Макс повел их к расщелине в скале, находившейся на некотором удалении от того места, где низвергался водопад. С верхнего края впадины ее видно не было. Страхнув с себя рюкзак, он исчез в высокой узкой бреші в скале примерно два фута¹⁹ шириной.

– Идите сюда, – позвал Макс, высунув голову из проема. Дин бросил рюкзак на камни и тоже исчез в скале. Нина неохотно последовала за ним.

Стоило сделать два шага вглубь расщелины, и ее окутал кромешный мрак. Ей пришлось пробираться на ощупь, плечами задевая каменные стены с обеих сторон. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела, что узкий проход ведет в большую сводчатую пещеру, где было очень сухо и прохлад-

¹⁹ 2 фута = 60,96 см.

но. Ее стены и пол были гладкими. Камень защищал пещеру от жары.

– Чувствуете? – спросил Макс, поднимая руку к отверстию в потолке. Нина подошла к парням и посмотрела вверх. Отверстие в своде было черным, она не видела, куда оно ведет, но ощущала исходящий из него поток воздуха, обдававший их холодом. – Наверно, тысячи лет назад отсюда поступала вода, которая и выдолбила эту пещеру. Видите, какой гладкий здесь пол и на нем как будто рябь.

– Да, классно, – произнес Дин.

– Если б мне когда-нибудь случилось быть в бегах, я бы спрятался здесь, – пошутил Макс.

Нина ушла из-под потока холодного воздуха и огляделась. В одном месте, где кто-то давно жег костер, громоздилась куча сучьев и пепла; с другой стороны, там, где гладкий камень выступал в пещеру, образуя платформу, стену украшали граффити. Нина поежилась. Макс, появившись рядом, обнял ее рукой за шею и привлек к себе на грудь. Дин, стоя на удалении нескольких шагов, таращился на них. Свободной рукой Макс притянул его к себе, и Нина оказалась между двумя мужчинами. Макс все крепче обнимал их. Она ощутила легкое волнение и потому не двигалась с места, оставаясь стиснутой между ними. Грудью она вдавливалась в Макса, сзади к ней прижималась высокая жилистая фигура Дина. Она чувствовала, как его твердеющая плоть впивается ей в ягодицы.

– Поплавать не хотите? – предложила Нина.

– Как скажешь, детка, – отозвался Макс.

Они разъединились и один за другим вышли из пещеры под слепящее солнце. Парни, без всякого стеснения раздевшись догола, встали на невысокий гладкий камень с одной стороны от водопада и сиганули в глубокий водоем, что голубел внизу. Нина стыдливо сняла брюки, оставшись в футболке и нижнем белье. Макс плыл на спине; из воды появилась голова Дина с прилизанными темными волосами.

– Нагишом ныряй, так приятнее! – крикнул Макс.

– В самом деле?

– Да, вода холодная, бодрящая, – поделился впечатлениями Дин.

Сделав глубокий вдох, Нина сняла футболку и затем нижнее белье. Она встала на край камня и глянула в воду. В прозрачной глубине голубого водоема она различила несколько больших валунов.

– Давай! Прыгай! – крикнул Макс, окатив ее обжигающе холодными брызгами.

Нина взвизгнула, затем зажала нос и прыгнула в озеро.

– Вода ледяная! – выдохнула она, мгновением позже выныривая на поверхность. Ее темные длинные волосы липли к голове. Она по-собачьи поплыла к парням, но от холода начинало болеть все тело, поэтому она развернулась и поспешила к берегу. Подтянувшись, Нина выбралась на длинный плоский камень.

– Прыгай, не будь занудой! – крикнул Макс, вновь обдавая ее брызгами.

– Нет! Холодно. – Дрожа, она обхватила себя руками, затем взяла из рюкзака коврик, развернула его и накинула на плечи.

– В боковом кармане моего рюкзака есть еще виски. Глоти – согреешься! – крикнул Дин.

Нина нашла маленькую бутылку, отвинтила пробку и отпила большой глоток. Она лежала на солнце и, потягивая виски, наблюдала за парнями, резвившимися в озере. Глядя, как они, обнаженные, борются в воде, она почувствовала, что в ней всколыхнулось желание. Макс обхватил Дина ногами и бросил через спину захватом руки и шеи, а затем стал удерживать под водой, пока Нина не крикнула ему, чтоб прекратил. Макс отпустил Дина. Тот вынырнул и бросился на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.